

Ульяна Соболева

1
ЧЕРНЫЕ ВОРОНЫ
Реквием

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ульяна Павловна Соболева

Черные Вороны. Реквием

Серия «Черные Вороны», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28958080

SelfPub; 2022

Аннотация

Андрей возвращается из Нью-Йорка, где провел много лет. Он даже не представляет в каком мерзком болоте из лжи и грязи он увязнет, когда ступит на родную землю. Любимая женщина, которая бросила его много лет назад, скрывает отвратительную правду. Друзья оказываются волками в овечьей шкуре, враги хранят свои жуткие скелеты в шкафу и готовы напасть, чтобы сожрать, в любую секунду.

В оформлении обложки использована фотография автора Пуя Shalkov ресурс depositphotos. Лицензия 141621508 и лицензия 141749828 автор Sofia_Zhuravets.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. Андрей (Граф)	4
Глава 2. Елена	13
Глава 3. Андрей (Граф)	25
Глава 4. Андрей (Граф)	33
Глава 5. Макс (Зверь)	43
Глава 6. Дарина	54
Глава 7. Андрей (Граф)	67
Глава 8. Дарина	80
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Ульяна Соболева

Черные Вороны. Реквием

Глава 1. Андрей (Граф)

Когда гремит оружие, законы молчат...

(с) Цицерон

– Андрэй, – итальянское происхождение Малены выдавал легкий акцент, – почему ты ушел, мне холодно... без тебя – прозвучал настолько близко, что я резко обернулся, схватив ее за запястье. Мгновенная реакция, дань привычке, когда чувствуешь, что главное место любой жизненной угрозы обычно у тебя за спиной. Она вышла из спальни, окутав себя шелковой простыней, и сейчас, прижавшись ко мне, проводила кончиками пальцев по моей груди.

Не отрывая взгляда от ее глаз, в которых читались привычные желание и похоть, я ответил:

– Я вернусь через несколько минут... Мне нужно сделать несколько важных звонков...

– Не задерживайся... никогда не поверю, что ты заставишь скучать свою... – она замолчала, выдержав паузу, словно раздумывая, и продолжила, – свою гостью...

Мне всегда нравились умные женщины. Которые понимали, какое место они занимают в мужской системе ценностей. И да, она была моей гостьей – мы даже встречались в одной из моих квартир, а не в особняке, который я на данный момент считал своим домом.

С ней было легко, приятно и удобно до тех пор, пока она не начинала требовать к себе слишком много внимания. Роскошная, эффектная, образованная и умеющая как поддержать беседу в любой компании, так и сделать качественный минет на заднем сидении моего автомобиля. Во всем остальном идеальный бизнес-партнер, у которого всегда есть преимущество, когда за стол переговоров садятся одни мужчины. Возьмите в руки секундомер и в качестве эксперимента проверьте, на какой минуте они начнут просить стакан воды после того, как Малена, предварительно расстегнув несколько пуговиц на своей блузке, начнет проводить презентацию. В голове каждого из них – тысяча картинок, одна развратнее другой, где знойная итальянка демонстрирует прелести своего горячего темперамента.

Внучка одного из итальянских донов, который в свое время покинул родной остров с намерением вкусить американской мечты. Фамилия Мараньяно фигурировала во всех самых громких делах, связанных с жестокими убийствами и грабежами. Представители данного клана наводили ужас на конкурентов, которых истребляли с особой жестокостью. Свое состояние Мараньяно сколотил во времена «сухого за-

кона».

Итальянцы смогли с точностью до деталей воспроизвести и развить здесь такую же мафиозную сеть, как у себя на Сицилии. Принципы Омерты, фанатичная преданность семье, самые грязные сферы деятельности – и вчерашние бедные эмигранты стали солидными миллионерами.

Для меня Малена была выгодной партией, не более того. Не скрою, что мне нравилось раздвигать её стройные ноги и вдалбливаться в золотисто-смуглое тело, смотреть, как она скачет на мне и ее полная грудь подпрыгивает в такт бешеному темпу, слушать, как она с придыханием кричит мое имя. Хотя иногда меня раздражало и это. Я не любил, когда женщины слишком много и на данный момент мне хотелось, чтоб Малена вылезла из моей постели и исчезла в ночных огнях города, оставив меня одного. Развлекать её до утра не было ни малейшего желания.

Я стоял на балконе одного из нью-йоркских пентхаусов, упершись руками о перила, и наблюдал, как вниз летит огненная точка – сигарета так и осталась недокуренной. Огни мегаполиса кричали о том, что в городе всю кипит жизнь, и в нем давно нет места одиночеству и грусти. Сделай шаг – и праздник для избранных поглотит тебя в водовороте наркотического веселья и пьяного угара. Только предательский ком в горле, как бы я не пытался его подавить, разрастался еще больше, перехватывал дыхание, сжимал горло, и застыл в глазах стеклянной пеленой несвоевременных воспоми-

наний.

Если вам кажется, что вид на звездное небо с шикарной высоты не такой, как с балкона обычной советской хрущовки, значит, вас интересует совсем не небо. То же самое касается страха, тревоги и боли: на какой из краев света бы вы не сбежали, то, что внутри, всегда будет вами управлять.

Если на твоём счету миллионы, а руки по локоть в крови – будь готов к тому, что очень часто ночная тишина, которая обволакивает твой дом, будет сгущаться, растягивая каждую секунду и наполняя ее вязкой трясинной бессонницы... до самого рассвета. Потому что спокойная жизнь заканчивается с того момента, как ты получил больше, чем другие. Любая империя пропитана проклятиями тех, на чьих костях была построена. И одна из них попадет в мои руки уже через несколько лет.

Когда с детства ты живешь в окружении, серые будни которого состоят из заказных убийств и разговоров о том, какую территорию удалось «отжать» в этот раз, рано или поздно привыкаешь к ощущению, что нельзя ни бояться, ни сомневаться. По крайней мере, если хочешь дышать воздухом и завтра. Вести себя так, словно тебе нечего терять. Можно передвигаться в сопровождении нескольких десятков телохранителей, ездить на бронированных автомобилях, носить в кармане пиджака самое современное оружие, но достаточно одного меткого снайперского выстрела, который за долю секунды просто поставит точку на твоей жизни.

Тринадцать лет назад этот город стал для меня убежищем. Молодость, необдуманные поступки и неумение контролировать себя сделали меня вынужденным эмигрантом, и Нью-Йорк стал единственной надеждой получить то будущее, к которому я стремился. Только с первой секунды все пошло не так. Тот, кто знает меня сегодня, никогда не узнал бы в успешном бизнесмене несдержанного сопляка, который, упиваясь горем, настойчиво убивал в себе личность. Каждый день я впахивал для того, чтобы стать тем, кто достоин уважения, только в этот раз по своим, личным меркам. Язык силы убедителен, но только если им владеет тот, кто обладает умом и железной волей. Лучшее образование, построение международных связей, схемы, которые позволяли оседать на банковских счетах огромным суммам, и старые методы, которые маскировались под новую оболочкой. Империя Вороновых с каждым годом крепла, финансовые потоки были налажены и работали бесперебойно, и все это я делал не ради признания отца, просто понимал, в чьих руках все окажется в итоге.

Вот только сколько бы лет ни прошло, я не мог отделаться от навязчивого ощущения, что вся окружающая действительность походит на маскарад, картинки которого подменяют реальную жизнь.словно смотришь на мир сквозь грязное стекло. Видишь очертания деревьев, рассветы и закаты, ночь, которую всегда сменяет день, но при этом чувствуешь постоянное желание протереть глаза. А ведь дело не в них, а

в том самом покрытом грязными разводами стекле.

Сегодня – очередная годовщина смерти моей матери, и в очередной раз за последние несколько лет я не принес цветы на городское кладбище. В голову вихрем врываются воспоминания и слова отца. Казалось, с каждого из них капля по капле стекал яд, настолько едкий, что впитался мне в мозги, и они продолжали звучать каждый раз, когда я вспоминал о матери:

– Твоя мать подохла, как дворняга. Шлюхой и наркоманкой. И если бы тогда я не нашел тебя, ты на своей шкуре ощутил бы, что такое детдом и зона. Так что утри сопли и забудь... – с этими словами он отдал мне свидетельство о смерти Ирины Самойловой.

Не так я представлял себе нашу встречу. Ожидание длиною в ее жизнь. Последние воспоминания о матери звенели в моих ушах ее оглушительным криком и разрывающими горло просьбами не отнимать у нее сына.

В этот день и была разыграна первая карта в партии Савелия Воронова. Партия, в которой для каждого, кто его окружал, было отведено свое место. И мой путь начался со слез... С самых искренних слёз ребенка, которого просто пришли и забрали. Чужие люди носками тяжелых ботинок отталкивали мать, пока она валялась у них в ногах и цеплялась за их одежду.

Вы видели когда-нибудь, как выглядит равнодушие? Оно

страшнее смерти в своем безразличии. Оно как пустота, которой абсолютно все равно, что поглощать. Плач, слезы, просьбы или проклятия – не важно, если душа того, на кого они направлены, пуста...

Расстояние между мной и матерью увеличивалось до размеров «никогда»... она так и осталась лежать на земле, содрогаюсь в рыданиях, сжимая в кулаках землю и растирая по щекам слезы, от которых на бледном лице оставались потеки грязи...

Сотовый зазвонил у меня в руках, и я увидел на экране номер отца. Ответил не сразу, несколько секунд всматриваясь в цифры, словно повторяя про себя. Каждый раз в этот самый день я тихо его ненавидел. Примерно той же ненавистью, как и много лет назад, когда, даже будучи ребенком, понял, что тогда был последний раз, когда я видел свою мать, и в этом виноват высокий мужчина с темными волосами, который стоял у шикарной машины и равнодушно смотрел на то, как ее пинают ногами.

Когда я наконец-то сказал «алло», то вместо Ворона со мной поздоровался его помощник. Я бы сказал «шестерка», но годы в Нью-Йорке почти искоренили тот блатной жаргон, который все еще бытовал в кругах отца. Я криво усмехнулся – можно было и не сомневаться, что Ворон вряд ли позвонит мне лично.

– Граф, Ворон поручил мне сообщить, что вчера был убит

Царь. Вылетай первым же рейсом.

Я отключил звонок и снова посмотрел вниз на город. Смерть Царева значила одно – там начинаются серьезные движения. Они могли задеть и отца. По-моему, настал тот момент, когда всемогущему Савелию Воронову пришлось созвать подданных на аудиенцию. Чувствует дыхание опасности? Разберусь на месте.

– Малена, я уезжаю...

Она резко встала на постели, втянув воздух полной грудью с торчащими темными сосками, бессовестно демонстрируя наготу до пояса и намереваясь задать вопрос. Но после того, как встретила со мной взглядом, запнулась. Поняла, что не стоит, да и ответа все равно не дождется.

Бросив в чемодан самые необходимые вещи и, на ходу натягивая на себя отутюженную рубашку, я направлялся к выходу. Тревожное предчувствие с каждой секундой окутывало все больше, вызывая гнев от того, что я не могу оказаться в эпицентре происходящих событий в эту же секунду. Аэропорт, перелет – все займет не один час. За это время может произойти что угодно. Едкое ощущение беспомощности и зависимости от ситуации.

Вышел из лифта и, направляясь в сторону двери, услышал, как меня окликнул консьерж.

– Мистер Воронов, Вам оставили конверт и записку.

Я сразу понял, что внутри совсем не приглашение на очередное официальное мероприятие. Любая информация, ко-

торуую мы получаем, имеет свою цену. И сейчас что-то внутри подсказывало мне, что в этот раз я вряд ли откуплюсь подписью в чековой книжке. Самые дорогостоящие вещи на свете – те, за которые мы рассчитываемся не валютой, а частями своей души.

Я вскрыл конверт прямо в машине и вытащил содержимое. Фото... десятки фото... Рассортированные по годам. Старательно, словно подчеркивая каждую деталь. Как будто указывая, сколько я упустил. Я пересматривал их и еле справлялся со слабостью, от которой ноги становились ватными, а сердце билось, отстукивая бешеный ритм, отдавая где-то в горле. Меня словно накрыли невидимым колпаком, сквозь который не проникают ни звуки, ни цвета, ни запахи. Окружающий мир становился размытым, как зернистое фото. Дрожащей рукой раскрыл записку...

«Ну, каково оно, Воронов, НЕ ВИДЕТЬ, как растет твоя дочь?»

Глава 2. Елена

Прошрое, хранящееся в памяти, есть часть настоящего.
(с) Т. Котарбиньский

Меня разбудил звонок. Вначале я думала, что это будильник, но потом поняла, что звонит мой сотовый. Протянула руку и, нащупав на тумбочке аппарат, поднесла к уху.

– Да. Алло.

В трубке молчали. Я слышала какой-то звук, напоминающий шум двигателя, и больше ничего. Как и вчера вечером. Приподнялась и протерла глаза:

– Алло! Кто это?

На том конце провода отключились. Я посмотрела на дисплей, но номер звонившего не определился. Медленно положила аппарат на тумбочку и села на постели. Сон как рукой сняло. Бросила взгляд на часы – шесть утра. Через полчаса и так вставать, будить Карину в школу и собираться на работу. Снова перевела взгляд на свой сотовый. Вдоль позвоночника пробежал табун мурашек.

Пока не страшно засыпать по ночам – человек счастлив. Не важно, что он об этом не знает и заиклен на других проблемах, потому что когда появляется страх, то уже ничего не может радовать, кусок хлеба в горло не полезет, даже если

это батон с красной икрой, а за окном улицы Парижа или пляжи в Дубае. Мне не светило ни то, ни другое, но я не бедствовала. Я была, можно сказать, и счастлива. Ну без мужика под боком, без семейства и родни, но все равно счастлива. Именно потому, что начала жить без страха. У меня любимая работа и обожаемая дочь, а мужики – приходящее и уходящее. Мне хватило одного... Хватило, чтобы поверить в то, чего и в помине не было.

Я не чувствовала страха уже очень давно. Я даже решила, что все осталось в прошлом, настолько далеко и покрыто пылью, что мне можно не вспоминать об этом. Я никому не нужна, про меня забыли, и все эти годы я молилась, чтоб забыли. Но призраки прошлого всегда возвращаются, каждый момент жизни не остается просто в забвении, он обязательно напомним о себе так или иначе. Прошлого не существует, как и будущего. Все связано. И вот сейчас, когда по спине пробежал холодок после звонка, я понимала, что ничего не забыто. Страх живет внутри и будет жить всегда. Не важно, что, скорее всего, просто ошиблись номером, не важно, что прошло столько лет, и за это время меня никто не искал и не трогал.

Можно, конечно, попросить Игоря пробить, кто мне звонит и молчит, но я не хотела лишний раз к нему обращаться. Опять начнутся приглашения на кофе и чай, он припрется, будет сидеть на кухне за столом и смотреть на меня, как побитая, голодная дворняга. А мне с ним в постель даже из жа-

лости не хочется. Когда-то пожалела, а потом мне себя жалко было. Нет ничего хуже, чем влюбленный мужчина, который тебя просто раздражает.

Тем более Верка, моя лучшая подруга, по нему уже лет десять сохнет.

Я натянула халат, сунула ноги в тапочки и вышла из спальни, по пути на кухню заглянула к дочери. Спит, как всегда повиснув на краю кровати, спихнув одеяло на пол. Светло русые волосы в косички заплела на ночь, чтоб накрутились. Вот и смысл жизни. Ничего другого не надо и ничто больше не важно. Она счастлива, и мне хорошо. Она единственное хорошее, что принесло мне мое прошлое. Я прикрыла дверь.

Пока умывалась, смотрела на свое отражение и там, в глубине собственных глаз, все еще видела след испуга. У каждого свои демоны, которые мучают его по ночам, свои страхи.

Я расчесалась, укладывая волосы в узел на затылке, прислушиваясь к чайнику. Пока что шумит, значит, не закипел.

Хотелось черный кофе и сигарету, немного успокоиться. Может, наведаться к Верке? Она выпишет каких-нибудь антидепрессантов, чтоб не дергаться и спать спокойно.

Правда, подруга, как всегда, начнет свою песню о каком-то хорошем мужике, с которым уже давно можно было устроить свою жизнь, хотя сама упорно скрывает свою любовь к Игорю и ставит эксперименты с внешностью и вереницей разнокалиберных любовников. Впрочем, одна она никогда не просыпается.

«Градова, тебе тридцатник. Бабы сходят с ума от одиночества, когда их никто не трахает». Это то, что сказала Верка в последнюю нашу встречу.

Я нанесла на веки увлажняющий крем и разглядела пару морщинок в уголках глаз.

А моя жизнь и так устроена и без «хороших» мужиков. Были у меня пару за эти годы, но Карина моя никого не воспринимала ... Мне не горело. Никто не нравился настолько, чтоб просыпаться с ним по утрам в одной постели. Денег хватает, дочь одета-обута. Квартира, машина имеются. Зачем мне в доме чужой мужик?

Я вышла на балкон, кутаясь в теплую кофту и потягивая кофе. Осень. Еще не холодно, но уже чувствуется в воздухе свежесть и небо кажется ниже опустилось. Мне почему-то всегда осенью и зимой небо казалось ниже. Словно можно к нему руку протянуть. Посмотрела вниз с балкона, все дорожки замело сухими листьями.

Внимание привлек черный джип у соседнего подъезда, я и вчера его там видела. Обычно здесь такие «крутые» машины не оставляли, отгоняли на стоянку неподалеку. Район неблагополучный, на окраине. Мы сюда переехали пять лет назад, но мне нравилось. Мне нравилось, что здесь меня никто не будет искать.

В кармане кофты опять зазвонил сотовый. Я посмотрела на дисплей и выдохнула. Знакомый номер.

– Градова, доброе утро. Там Петров снимки прислал к ста-

тье о Цареве, с кладбища. Как приедешь в офис сразу, зайди на свою электронку. Мне этот выпуск нужен к десяти часам. Статья готова?

– Готова, Людмила Сергеевна.

– Вот и ладненько. Что голос такой? Только встала?

– Нет, я уже одной ногой за дверью.

– Молодец. У нас эти пару дней завал будет.

Я сделала еще один глоток кофе, обожгла язык и, поставив чашку в раковину, пошла будить дочь.

Смотрела на дисплей ноутбука и чувствовала, как по спине бегут мурашки. Мне прислали фотографии для статьи об убийстве олигарха А.Н. Царева, которого похоронили вчера днем. Пролистав несколько из них, я замерла, когда открыла именно этот снимок и теперь, кажется, просидела перед ним уже около часа, вглядываясь в черты до боли знакомого лица, такие отчетливые даже на снимке.

Воронов Андрей Савельевич. Все тело покрылось мурашками. Словно и не прошло почти тринадцать лет с нашей последней встречи.

Он совсем не изменился за эти годы. Возмужал, стал старше, но не изменился. Такой же мужественно-красивый, с этим неотразимым налетом аристократизма, и глазами... темно-карими, глубокими и пронзительными.

Внутри екнуло болезненно и ощутимо. Как и тогда, когда встретила его впервые. Для провинциалки, которая только

приехала в столицу и еле сводила концы с концами, он казался недостижимым как солнце... Он и был бы для меня недостижим, если бы....

– Лена!

Я вздрогнула и обернулась.

– С тобой все в порядке?

Людмила Сергеевна внимательно смотрела на меня, сжимая тонкими пальцами ушко фарфоровой чашечки, в которой дымился кофе. Ее глаза под узкими овальными очками напоминали яркие камушки голубого цвета. Она всегда была похожа мне на кошку, сиамскую кошку. Не молодую, а, скорее, уже стареющую, но еще не ленивую и по-прежнему опасную, готовую выпустить когти в самый неожиданный момент.

Я кивнула и снова перевела взгляд на экран ноутбука.

– Ты призрака там увидела? Нам через час номер выпускать надо.

Главный редактор склонилась ко мне и посмотрела на снимок.

– Ты так смотришь, словно о смерти Царева только что узнала. Мы же выпуск со вчера готовили.

– Я фото рассматривала.

– Петров молодчинка, пробрался туда. Золото, а не парень, просочится в любую щель. Видела – пособирались? Как вороны слетелись. Кого только не понаехало. Узнаешь всех наших «шишек»? Верхушку?

– Узнаю, конечно, – пробормотала я, все еще глядя на фото Андрея Воронова. Черное длинное пальто, поднятый воротник и волосы назад аккуратно заглажены, в длинных пальцах одна желтая роза, а позади него стоит Савелий Воронов, уже сильно поседевший, чуть прищурившись, смотрит прямо в объектив камеры. А вот он почти не изменился и седина ему к лицу. Глаза такие же синие, глубокие, холодные, как и всегда. Я вздрогнула от этого взгляда...

«Ты, Леночка, давай, долго не думай. Времени нет на раздумья. Ты же не хочешь, чтобы я помог тебе сделать выбор? В какой деревне живет твоя тетка? В Лесных прудах? Ты же не хочешь, чтобы однажды утром ее дом нашли сгоревшим, а в нем парочку обугленных трупов? Или, например, ты откроешь глаза однажды утром и поймешь, что прикована к постели, потому что у тебе перебиты ноги? Или тебя оттрахает человек десять, разорвав тебя на части, и ты никогда не сможешь рожать? Хочешь, я выберу один из этих вариантов вместо тебя? Как тебе такая перспектива, Леночка? Заманчиво? А есть и другая, которую выберешь ты сама – работа в газете, любой, на твой выбор, как ты и мечтала. Ты же журналистка, да, Леночка? Получишь хорошую зарплату, квартиру и машину... » – голос прозвучал в голове и я судорожно сглотнула.

Как же ошибочно мнение, что выбор есть всегда. Не всегда. Далеко не всегда. Иногда этот выбор делают расставленные приоритеты. Или тот, кто из расставил эти приоритеты

за тебя.

– Ты сама не своя, случилось что-то?

– А? – перевела взгляд на Людмилу. – Прости, я просто задумалась, Карина последнее время часто болеет, сегодня в школу пошла, а мне с утра показалось, что горячая она, – ответила я и отвернулась к окну, разглядывая ветки рябины, стучащие по стеклу от сильных порывов ветра.

– Так чего дома не оставила? Она уже большая у тебя – сама посидит.

Я медленно выдохнула. Надо Карину из школы забрать самой, что-то у меня какое-то тревожное чувство внутри. Вспомнила об утреннем телефонном звонке и почувствовала, как леденеют пальцы. А что, если?

– Да, большая.

Ответила невпопад и вдруг поняла, что Людмила ушла. Я повернулась к ноутбуку и закрыла его фотографию. То, что вернулся, ничего не значит. Столько лет не нужна была, вряд ли сейчас что-то изменилось. Он же и раньше мог приезжать, просто я об этом не знала.

Пробежалась по статье уже в сто первый раз и выслала Людмиле Сергеевне на согласование. Нужно успокоиться. Рано или поздно я бы увидела его, верно?

Просто пока не увидела, не понимала, что до сих пор помню и до сих пор больно. Как-то странно больно, словно осторожно ножом провести по коже. Не резко, а очень неприятно и глубоко. Потери... особенно те, в которых вы виноваты

сами, режут поглубже и посильнее любого лезвия.

Достала сотовый и посмотрела на главную заставку, где неизменно красовалась фотография Карины. В этот раз с распущенными волосами, с венком из жёлтых листьев на фоне осеннего неба.

В светло-карих глазах искры веселья. Они всегда у нее менялись. Иногда светлые, как виски, а иногда темные, почти черные. Похожа на меня немного. Цвет волос, овал лица мои, а вот глаза... Глаза ЕГО. И не только глаза, она все же больше копия отца. Мимика, жесты. Живое и постоянное напоминание. Прошлое во плоти. Каждый раз, как смотрю, так и вздрагиваю.

Последний раз, когда я слышала об Андрее, он был в Америке. Вроде бизнес там свой, может, и семья уже есть. Скорее всего, есть. Такие долго одни не бывают. Андрей и тогда был окружен женщинами. Толпой шикарных женщин.

Когда впервые повел меня на прием в своем доме, я ясно ощутила эту пропасть между нами, особенно встречаясь с презрительным, горящим взглядом Савелия Воронова, который смотрел на меня, как на пакостное насекомое, которое непременно нужно раздавить или прихлопнуть, чтоб не летало и не портило общую картину. Впрочем, он так и сделал. Не пара я для Воронова-младшего, для его сына совсем не гожусь ни в жены, ни даже в любовницы.

Карину я забрала из школы сама. Она даже удивилась, что

я приехала. Обычно в это время у меня разгар работы. Мы ехали в машине и пока она копалась в своем новеньком айфоне, я смотрела на нее и почему-то все еще чувствовала ту самую тревогу, которая появилась утром.

– Мам, ты чего?

– Ничего, милая. Соскучилась.

– Да ладно, – она усмехнулась, – а кто вчера мне говорил, чтоб я испарилась и не мешала работать?

– Ну, я же не серьезно, – погладила ее по щеке и свернула на главную дорогу, в зеркале заднего обзора заметила джип, похожий на тот, что стоял у нашего дома утром, – сегодня работать не буду.

– Мам, ты не заболела?

Лицо серьезное, а я вижу, что издевается. Да, у меня вечно времени на нее не хватает из-за статей да подработок. Она права. Но сегодня выходной.

– Давай купим что-то вкусненькое и засядем вечером за наши любимые фильмы.

Я свернула к супермаркету, бросила взгляд в зеркало и снова увидела джип. Тот или не тот? Да что со мной сегодня? Мало, что ли, джипов черных в городе?

– Ты как свой мейл откроешь, про все обещания забудешь, – фыркнула Карина.

– Вот еще пару слов скажешь, и я передумаю.

В этот момент джип нас обогнал и скрылся за поворотом. Я облегченно выдохнула.

– Молчу-молчу. Мне только Лизке позвонить надо, я обещала, что вечером к ней заскочу.

– Так зови ее к нам. Все вместе посмотрим.

Я припарковалась на стоянке, и в этот момент в сумочке снова зазвонил сотовый.

На экране незнакомый номер. Я ответила, пока Карина натягивала куртку и шапку, которые сняла в машине.

– Да.

– Лена?

Пальцы сильнее сжали аппарат и сердце пропустило один удар.

– Кто это?

– Это Андрей.

Я неожиданно для себя отключила звонок и перевела взгляд на Карину, которая уже открыла дверцу. Недалеко от нас припарковался все тот же черный джип.

– Мам? Что с тобой? Кто это?

Сотовый снова «запел» у меня в руках, а я смотрела на дочь, чувствуя, как сердце бьется все быстрее и быстрее.

– Садись обратно, мы не идем в супермаркет. Садись обратно я говорю.

Она зло села на сидение, а я нажала на газ, сдавая назад и визжа покрышками. Телефон продолжал орать на весь салон.

– Мама! Кто это? Что случилось?

«Тот, кому совсем не надо знать о твоём существова-

нии» – подумала я и выехала с парковки, сильнее выжимая педаль газа.

Глава 3. Андрей (Граф)

Настоящая власть не может быть дана, она может быть взята...

(с) из кинофильма «Крестный отец»

Воспоминания...

Савелий Воронов... Он из тех, кто делит мир на черное и белое, правых и виноватых, гениев и идиотов, притом к категории первых относит только себя. Каким образом в одном человеке могли сочетаться две настолько разные системы ценностей? Абсолютная бескомпромиссность по отношению к другим и блестяще провернутые сделки со своей совестью? Хотя странно, что такие вопросы задаю себе я – тот, кто и сам не смог до конца понять своих чувств к родному отцу. Коктейль из несовместимых по своей природе компонентов: когда ненависть горчит любовью, а злость имеет послевкусие преданности. Но, как и в любом другом напитке, основной вкус оставался один, и в моем случае это... уважение. До неосознанного и вызывающего дрожь желания подражать. Стать таким же... Добиться неприкрытого восхищения в глазах других, ставить на место одним кивком головы и заставляя содрогаться от ужаса даже того, кто направил тебе дуло в лоб. Потому что ему никогда не хватит смелости,

глядя тебе в глаза, в которых полыхает угроза и ненависть, нажать на курок... И именно в тот момент подписать самому себе приговор, опуская руки и потупив к носкам твоих сапог свой потухший взгляд...

Я часто думал над тем, зачем вообще ему нужен? Чтобы было кого воспитывать и учить жизни? Обычные люди в таких случаях заводят собак. Его постоянный контроль, резкость и тон, который не терпит возражений – как петля вокруг шеи, узел которой вплотную притирается к горлу. Когда имеешь дело с тем, кто сильнее тебя, существует лишь два варианта: уступить или уйти. Все зависит от того, насколько ценным является его дальнейшее присутствие в твоей жизни. И я все чаще стал ловить себя на мысли, что мне хочется послать все к дьяволу и уехать. Туда, где никто не знает, чей ты сын, где не надо жить так, чтоб оправдать чьи-то ожидания и добиваться поставленных кем-то целей. Родители зачастую пытаются реализовать в своих детях несбывшиеся мечты, хотят видеть их там, куда не смогли докарабкаться сами.

С того самого момента, как я попал в дом к Ворону, меня по самые уши окунули в его кровавый мир. И если, будучи ребенком, все разговоры об убийствах, оружии, поножовщине, похищении людей и прочем беспределе воспринимал, как страшные сказки, то потом, год за годом, начал понимать всю подноготную. Кучи замаранной в крови одежды, которую всегда сжигали, внезапные обыски и обла-

вы милиции... и неизменный шелест купюр. В большинстве случаев менты, заглядывая отцу в глаза и ехидно улыбаясь, услужливо извинялись “за маленькое неудобство”.

На особо несговорчивых находилась иная управа. И в этом вся правда жизни: даже если тебя нельзя купить, тебя всегда можно напугать. Инстинкт самосохранения и стремление защитить своих близких – безотказный рычаг, и он действует одинаково по обе стороны добра и зла. Доблестные герои в погонах – всего лишь бесприкрытый прием создателей сериалов, которые в скором времени так щедро начнут клепать для поднятия престижа профессии и создания иллюзии справедливости в государстве.

Но вместе с тем я ощущал, что сижу на каком-то гребаном невидимом поводке, существование которого не мог доказать. Я был просто немым свидетелем, а мне хотелось попробовать этот мир на вкус, я “рвался в бой”, а меня ставили на место. И именно из-за этого наши ссоры с отцом случались все чаще. Он никогда не выходил из себя, его монотонный, спокойный, холодный голос распалял меня еще больше. Он отмахивался от меня, как от щенка, который норовит испортить ему новые брюки. И чем больше моих эмоций вырывалось наружу – тем отстраненнее он становился, его лицо оставалось каменным – ни одного движения или кивка, только прямой и колющий взгляд.

– Хватит лепить из меня ботаника и мальчика на побегушках. Я хочу заниматься делом, а не сидеть, как собака на

привязи... Мне не 10 лет, достало! Я не слабак и не долбаное тепличное растение!

– Да, ты не растение, ты просто истеричная девка. Если будешь продолжать – уже через полчаса мне придется заказывать для тебя траурный венок.

– А ты у меня спросил, как я хочу жить? И не тебе решать, когда я подохну...

– Как ты хочешь жить??? Насмотрелся сериалов про мафию, крестных отцов и прочую хрень? Я человека из тебя хочу сделать, а ты, вместо того, чтобы слушать, твякаешь, как....

В тот момент я впервые за все те годы, которые помнил отца, увидел, что слова смогли его хоть как-то задеть. Он сжал кулаки, на скулах заходили желваки, открыл ящик стола, и, достав оттуда пистолет, протянул его мне:

– Вали отсюда. Вот последнее, что ты от меня получишь.

– Мне от тебя ничего не надо. Обойдусь!

Я ушел из дома, ожидая, что мне станет легче дышать, и в тайне надеясь, что меня захотят остановить. Я так долго прокручивал у себя в голове этот момент, переживая каждый раз все новые эмоции – от эйфории до самолюбивого желания доказать, как он на самом деле во мне ошибался. Показать, что он мне не нужен. И самое главное – я искренне в это верил. Заявка на победу. Не ради себя – ради него. Чтобы он гордился, признал свою неправоту, и, в конце концов, начал уважать. Но почему-то на душе было гадко, слов-

но я проглотил горькую пилюлю, которая обожгла горло и парализовала его.

Куда может отправиться шестнадцатилетней парень, в крови которого бурлит адская смесь из злости, амбиций, обиды и желания покорить мир? Верно – к таким же, как и он. Собрав возле себя пару десятков отморозков, которым хотелось получить все и сразу, мы начали воровать. Дальше перешли на запугивание коммерсантов, подминая под себя другие группы таких же любителей отжать чужое. Мы шли напролом – нагло, жестко и кровожадно. Работали сплоченно, четко, быстро и слаженно. Нам везло. Чертовски везло. Ни одной загвоздки, ни одного прокола или пролета. Это давало уверенность и в то же время подталкивало к самой главной ошибке – убежденности в том, что удача избрала своих любимчиков раз и навсегда.

Я поднялся в собственных глазах слишком высоко, и очень скоро мне пришлось за это очень дорого заплатить. Человек – весьма ненасытное существо, особенно когда чувствует, что в его руки начинают плыть деньги и власть. И я готов плюнуть в лицо тому, кто скажет, что сможет вовремя остановиться и довольствоваться тем, чего достиг. Уважения заслуживает не тот, кто смог получить, а тот, кто, отняв, смог сохранить. Я хотел не просто много, я хотел больше, чем другие. Я не мог смириться с тем, что мы топчемся на месте, как рыбешки на мелководье, в то время, как настоящие дела крутятся на глубине. И спустя несколько месяцев решил: мы

доросли до того, чтобы взять под свою крышу сеть столичных гостиниц. На тот момент территория, на которой находилась одна из них, не была ни за кем закреплена, и я был уверен, что достанется она тому, кто шустрее, то есть мне.

Начать «переговоры» с директором оказалось проще простого – уже через полчаса мы сидели в его шикарном, но безвкусно обставленном кабинете, а одна из интердевочек, именуемая секретаршей, принесла нам кофе в буржуйских фарфоровых чашках.

Я уселся в обитый велюром стул, двое парней Толян и Скворец стояли у меня за спиной, поглядывая на дверь. Корт подошел к окну, чтобы наблюдать за тем, что происходит на улице возле центрального входа. Там, на случай тревоги, нас ждали остальные парни с заведенными тачками. Я, решив не терять время на предисловия, сразу приступил:

– Дорогие цацки, дядя. Не по статусу управляющему занюханым совдеповским отелем. Объяснять, откуда бабло, будешь ментам, или хватит мозгов, чтоб делиться с правильными людьми?

– Ну что вы, это все не мое. У нас, знаете ли, очень щедрые гости, которые в качестве благодарности.... – его маленькие пухлые пальцы, которые украшала массивная золотая печатка, отчего они казались еще более короткими, дрожали, а голос стал неестественно писклявым.

– Харэ заливать... спонсоры, подарки... Двадцать процентов, или мы спалим твой гадюшник нахрен. Разговор

окончен.

– Да что вы себе позволяете? Я буду жаловаться... я... здесь через пару минут будут мои люди и вы пожалеете! Я в милицию пойду! Думаете, нет на вас управы, сопляки?

Директор приоткрыл ящик стола и сунул туда руку. В этот момент Корт – он ближе всех находился к толстому и потному придурку, резко дернулся, и, зажав локтем шею старика, приставил пистолет к его виску. Я подорвался с кресла, и, упершись ладонями в стол, проорал:

– Ты охренел, Корт? Отойди от него. Мы сейчас обо всем договоримся!

– Какие, бл***, разговоры? Он нас за лохов держит. Может, уже своих шестерок вызвал, падла! Вытащи руку из-под стола, тварь! Нехрен вы***ся! – вдавил дуло сильнее.

– Успокойся, Корт! Не кипишуй! Убери ствол!

В этот момент директор как-то неловко дернулся и раздался выстрел.

– Твою мать.... – выдохнул я, глядя, как мозги директора стекают по стене, тело обмякло, а голова повисла, как у тряпичной куклы. Корт просто прострелил ему башку.

– У него там, – пробормотал Корт, – точно ствол был.

Но в руке у директора, когда он свалился со стула на пол, оказался просто носовой платок.

Все дальнейшие события мелькали перед глазами, словно кадры из чертовски документального фильма, только я чувствовал себя так, словно наблюдаю за процессом со стороны.

Замечая каждое движение, которое отображалось в моей голове как кадр десятикратно замедленной съемки и отпечатывалось там. Улавливая каждый звук, звучащий как искаженная запись на пожеванной магнитофоном ленте.

Крики секретарши. Заблокированные выходы. Вой сирены... и холодный метал на запястьях.

Нас привезли в СИЗО. Оставили одних, не подсекая никого чужого, и... просто ушли. Мы оказались в помещении, которое напоминало чулан. Его стены покрылись толстым слоем плесени, выделяя удушливую сырость. Скупые лучи света пробивались сквозь узкое окно, отображаясь на полу решетчатым узором. Проходили дни, а мы продолжали сидеть на грязных лавках, пялясь друг на друга, с каждым часом все глубже погружаясь в молчание. Выпендреж и борзость таяли на глазах, говорить не хотелось, казалось, даже воздух начинает пропитываться озвученным отчаянием. Нас не вызывали на допрос, не выдвигали обвинений, игнорировали любые вопросы. Полное пренебрежение. Изошренная пытка неизвестностью и молчанием.

В конце концов пришел момент, когда у парней начали сдавать нервы. Именно в таких ситуациях проявляется характер, выносливость и эмоциональная стойкость. Было понятно, что нас не станут держать здесь вечно. Этот прессинг кому-то нужен и сейчас наше главное задание – дожидаться, когда будут озвучены условия.

Глава 4. Андрей (Граф)

Только не говори, что ты не виноват! Это оскорбляет мой разум!

(с) из кинофильма “Крестный отец”

У человека всегда есть выбор: взять под контроль свои эмоции, сохранять здравый смысл и держаться с достоинством, даже когда к сердцу подбирается ядовитый плющ страха, или поддаться истерике, выпуская на поверхность испуганного, слезливого ребенка.

– Граф, может, ты наконец-то засунешь в жопу свою гордость и позвонишь отцу. Одно его слово – и уже вечером мы будем отрываться в кабаке с телками, по две на каждого.

– Иди нахрен! Никаких звонков!

Корт подскочил со скамейки и, схватив меня за футболку, разбил мне лбом нос, срываясь на истерический крик:

– Ты корчил из себя крутого главаря, так давай – вытаскивай нас из этого дерьма, а не веди себя как сопливый мудака.

Я зарычал от боли, сорвался к чертям собачьим, оттолкнув его со всей силы и, схватив за волосы, начал долбить головой об стену, еще и еще, вымещая свою злость... потому что он прав. Каждое слово – как обжигающая кожу пощечина. Они всегда шли за мной, беспрекословно выполняя лю-

бое указание, и все, что происходит с нами – моя вина. Я не мог остановиться, понимая, что в этот раз нервы сдают уже у меня – от беспомощности и осознания, насколько больно оказалось падать с придуманной высоты.

На стене появились свежие брызги крови – они резко контрастировали на фоне старых, засохших потеков грязно-коричневого цвета. Эти стены впитали в себя не одну смерть, заглатывая последние выдохи тех, кто отправился отсюда в свой последний путь. Корт внезапно замолчал и обмяк в моих руках. В этот момент в камеру ворвались охранники. Один из них, оттащив меня от Корта, прижал к стене и приблизился вплотную – я рассмотрел даже капли пота, выступившие на его верхней губе, и, пробирая сверлящим взглядом, сказал:

– Ну что, ублюдок, доигрался? Наконец-то. А то мы уже начали скучать... – он кивнул в сторону Корта своему напарнику, – этого убери, ночью отвезем в кочегарку...

– Нету тела – нету дела, – тот поддакнул, откашливая и смачно сплевывая на пол.

Я не мог понять, что за чушь он несет. Все, что происходило последние несколько дней, пахло каким-то абсурдом. Они связали меня по рукам и ногам, заклеили рот скотчем и стали наносить удары по лицу. Я слышал хруст, корчился от боли и чувствовал, как захлебываюсь от потока собственной крови – теплой, вязкой, с привкусом металла. Когда я терял сознание, меня обливали ледяной водой,

и опять били. Я не мог понять, чего они от меня хотят. Может, это просто больные на голову ублюдки, которые ловят кайф от чужой боли? Меня ведь не заставляли подписывать фальшивые протоколы, сознаваться в чужих преступлениях. Впрочем, на моем счету появилось свое собственное – первое особо тяжкое. А они просто издевались, словно хотели сломать, унижить, наказать и смешать с грязью.

Но это было только начало... Разминка. Тренировка. Пробная репетиция. Потому что дальше я пережил то, что навсегда перевернуло все мои представления о мире, в котором я жил. Момент, когда в сознании происходит тот самый щелчок, который в одно мгновение порождает в тебе другого человека.

Вы знаете, как рушатся иллюзии? Об этом знают даже дети. Вспомните, с каким вдохновением и предвкушением, закусив нижнюю губу, вы строили замок из песка на берегу моря, думая о том, как вас похвалят мама с папой, и наполнялись самой настоящей гордостью. И тут внезапно прожорливая пенистая волна в одно мгновение слизывала все шпилы и ограждения, сравнивая их с поверхностью земли. Все.... нет замка, нет похвалы от мамы с папой, ничего нет, кроме разочарования, обиды и недоумения – но как же так? Ведь всего секунду назад все было по-другому?

Я не знаю, сколько времени провел в карцере, сколько часов или недель прошло с момента, как меня вывели с камеры. Я проваливался в сон, выныривал из него, не понимая,

какой сегодня день и время суток – все по желанию кукловодов. Они выматывали меня физически и морально, лишая сил и ломая волю. Потому что я четко осознавал, что нахожусь в их власти, и с ужасом думал, какую пытку они решат испытать следующей.

Долго ждать не пришлось... Любая пьеса должна дойти до своей кульминации – видимо, единственные законы, которые действовали в этих стенах – это законы жанра.

Я шел по узкому коридору, спотыкаясь, еле держась на ногах, и каждый раз, когда хотел опереться об стену, получал удар в спину.

– Шагай давай, сученок... Твои дружки заждались...

Открыв засов, он толкнул меня в камеру. Какая ирония – сейчас я был рад в ней оказаться, увидев Толяна и Скворца. Но, судя по их взглядам – тяжелым, свинцовым, исподлобья, – они готовы были разорвать меня на куски.

– Вот урод... живой. На месте Корта должен был быть ты, тварь.. – каждое слово Толяна сочилось ненавистью и злобой... – потому что это мы тебе должны были расквасить мозги.

Он поднялся со скамейки и, сжав пальцы в кулаки, направился в мою сторону. Я приготовился к бою, для начала намереваясь защищаться. Но всё произошло слишком быстро. Позади вдруг оказался один из оперов, он схватил меня за руки и, неожиданно сжав моими же пальцами втиснутый в мою ладонь пистолет, выстрелил в Толяна в упор. Тот упал

на колени, прижимая руки к груди, бордовое пятно на его футболке разрасталось с каждой секундой, а кровь начала просачиваться сквозь пальцы. Он посмотрел мне в глаза – в них застыло недоумение и все та же ненависть. Я дернулся, но мою руку словно зажали в стальные тиски, и, направив дуло на Скворца, ублюдок за моей спиной выстрелил и в него. Несколько секунд, всего несколько секунд достаточно для того, чтобы отнять жизнь. И если тот, чье сердце остановилось, умер физически, то я, хоть и продолжал дышать, стал мертвым внутри.

– Что вы наделали, твари?! За что?! Что мы вам сделали?! – я орал так громко, что звучание моего голоса оглушал меня самого.

Они просто отшвырнули меня к стене и ушли. Я упал на пол, почувствовав на руках что-то липкое – кровь. Целая лужа, которая расплзалась под еще теплыми телами. Я начал лихорадочно вытирать ладони о ткань своей футболки, словно пытаюсь избавиться от вины, в которой я замарал свои руки, и которая, въедаясь в кожу, вызывала неподдельный страх. Чувствовал, как тело начинает бить озноб, а к горлу подкатывает ком, мне казалось, что я не могу дышать, что кто-то зажал рукой мне рот и нос, дожидаясь, когда прекратятся конвульсии, чтобы закончить начатое...

Я резко вскочил на ноги и подбежал к двери, начал молотить в нее кулаками и выть, как животное, которое попало в капкан. Я кричал о том, как ненавижу, грозился убить,

обещал отомстить, продолжая ударять руками по железному засову, сбивая в кровь костяшки пальцев, пинал ногами стены, переходя на просьбы, умолял выпустить меня, и через несколько часов этой дикой истерики, окончательно выбившись из сил, сполз вниз на пол.

Я со всей силы вцепился себе в волосы, сжимая голову, мне хотелось, чтобы та боль, которая разрывала меня изнутри, пульсируя, ударяясь от одной стенки моей пустой оболочки к другой, прекратилась. Закрыв глаза, пытаюсь нащупать внутри хоть одну мысль. Тщетно... В памяти всплывали только воспоминания, где все были... живы.

Вот мы садимся в машину, включаем музыку на полную громкость, открыв настежь окна, мчим с бешеной скоростью по дорогам города, не обращая внимания на причитающих пешеходов и сигналиющих водителей. Эйфория, восторг и ощущение свободы, которая треплет наши волосы вихрями воздуха. Кажется, я даже смог сделать вдох, почувствовав, как легкие наполняются кислородом. Открыл глаза и получил со всей силы по затылку – именно так бьет наотмашь реальность. Реальность, в которой тела тех, с кем ты только недавно пел песни под гитару, коченеют и становятся синими. Я прикрыл рукой рот, еле сдерживая рвотный позыв, – в нос ударил резкий затхлый запах крови. Казалось, он наполнял все помещение, смешиваясь с кислой сыростью, испаряясь и обволакивая, как ядовитый газ, не давая возможности не только дышать, но и забыть.

Я опять закрыл глаза, пытаюсь выровнять дыхание, придумав внутреннее ощущение паники. И опять вспышка... Мы в очередной потасовке, вокруг крики, ругань, угрозы, удары – «победитель получит все». Я чувствую резкую боль под ребром – один из отморозков пырнул меня ножом, хватило бы еще несколько ударов, чтобы я подох в этой подворотне от потери крови. И тогда меня спас именно Толян.

“Да... ОН ТЕБЯ СПАС. А что сделал ТЫ?” Очередное возвращение к реальности, которое цепкой рукой окунает под воду, наблюдая, как к поверхности поднимаются пузырьки – последние капли воздуха, покидающие мое тело.

Мне захотелось подойти к ним ближе. Страх отходил, уступая место желанию попроситься. Я видел их скрюченные пальцы, окровавленную одежду, глаза, которые уже начали терять свой блеск, становясь тусклыми и белесыми, и чувствовал, как заныло сердце. Эта боль не была острой, наоборот – тупой, ноющей, сдавливающей, с ней можно двигаться, разговаривать, даже есть и пить, но она никогда не уходит.

Я подошел к телу Толяна и присел на корточки. Поднял руку, увидел, как она дрогнула, но, пересиливая самого себя, прикоснулся к лицу, чтоб закрыть ему веки. Кожу обдал холод. Глаз зацепился за очертания пятен, которыми уже начало покрываться тело, и чувствовал, что отголоски паники опять начинают набирать обороты. Еще сутки, и трупы начнут разлагаться. Неужели я подохну здесь как собака, зады-

хаясь от вони, наблюдая, как гниют те, кого я считал друзьями?

Какие слова можно сказать тому, кто тебя не слышит? Помолиться? Меня этому никогда не учили. Попросить прощение? Оно ему не нужно. Просто «прощай»... Просто обещаю... что не забуду.

Я отошел в дальний угол камеры, пытаюсь хоть немного отстраниться от гнилостного запаха, которым пропиталась уже вся моя одежда. Стучать в дверь не было смысла. Я просто сидел на полу, глядя в одну точку на стене, и пытался заглушить в голове монотонный, жужжащий звук – вокруг тел уже начали роиться мухи. Не знаю, как назвать то, что я чувствовал? Смирение? Усталость? Равнодушие? Но внутри, в один момент, будто оборвалась какая-то невидимая струна. Раньше, затронув ее, можно было услышать самые разнообразные звуки, которые облачались в чувства – радость, восхищение, предвкушение, или наоборот – раздражение, ярость или ненависть. Сейчас там образовалась пустота. Если мне суждено здесь умереть, я сделаю это с достоинством, если каким-то чудом выберусь, этот жизненный урок, приправленный чужими проклятиями, кровью и запахом смерти, я запомню навсегда.

Я лежал на кровати в своей комнате и уже несколько часов не отводил взгляда от картины на стене. Словно сквозь туман вспоминал, как отец приехал за мной в то место, кото-

рое я всегда буду считать проклятым. У меня не было желания ни задавать вопросы, ни отвечать на них. Просто хотелось глотнуть свежего воздуха – настолько мало нам иногда нужно для того, чтобы жить дальше. Всю дорогу домой мы ехали молча, отец – за рулем, я расположился на заднем сиденье. Ни одного взгляда, даже через зеркало дальнего вида, ни одного слова – любое было бы лишним.

Лишь спустя время мы смогли поговорить. Я не хотел выяснять, каким образом он узнал, где я – подтверждение моих догадок разрушило бы и так едва тлеющие между нами чувства. Есть грань, которую переступать нельзя, даже если ее цена – самообман.

– Андрей, ты можешь меня ненавидеть, ты можешь от меня отказаться и навсегда уйти из этого дома. Но сейчас я хочу объяснить тебе одну вещь. Ты совершил ошибку. Изначально. Которая повлекла за собой все остальные, и ты сам видишь, чем все закончилось. Ты сунулся в мир, не зная его законов. Ты взял под свое крыло людей, не умея ими управлять. И именно поэтому все смерти – и твоих друзей, и старика из отеля – они на твоей совести. Их в твоей жизни будет еще немало – но ты научишься воспринимать их как необходимость, а эти четыре – они навсегда останутся твоим личным грузом. Со временем он станет легче, но ты не забудешь. Никогда...

Я слушал то, что он мне говорил и удивлялся. Искренне. Самому себе. Потому что мне не хотелось ничего отрицать,

доказывать, перечить. Мне казалось, что именно сейчас, в этот момент, состоялся наш первый искренний разговор, и он был своевременным. Потому что я не понял бы отца даже несколько недель назад. Я посчитал бы все его слова высокомерной нотацией. А сейчас каждое из них играло для меня суровой, но справедливой правдой.

Да, я взялся за то, что мне не по зубам. При любом другом раскладе, не будь я сыном Савелия Воронова, моим уделом была бы роль пушечного мяса, шестерки на первой же разборке. Теперь я понял и цену нашему везению, и поведение ментов, и все это ужасающее в своей циничности «представление».

Вероятно, другой на моем месте возненавидел бы отца. Но я чувствовал совсем другое, потому что наконец-то начал понимать, чего он от меня ждет.

Глава 5. Макс (Зверь)

Жестокость не всегда является злом. Злом является одержимость жестокостью...

(с) Джим Моррисон

Я крутил между пальцами четки. Один шарик, второй. То медленно, то быстро и смотрел на жирного ублюдка, привязанного к балке под потолком гаража, куда мы притащили его еще ночью. Он покрылся потом и вонял, как помойная яма. Ненавижу запах пота. Вообще не переношу вонь. У меня какое-то странно обостренное обоняние. Можно сказать, люди определяют симпатии и антипатии «на глаз», а я «на нюх». Я все еще не спросил у него самого главного, наслаждался моментом. Питался его страхом. Человека далеко не всегда ломают побои. С кем-то это действует, а с кем-то нет. Психологический прессинг работает на девяносто процентов. Незнание – вот самое страшное оружие пытки. Впрочем, как и молчание. А мне нужна была та информация, которую он может не дать даже под самыми жестокими побоями. Нет. Я лгу. Этот тюфяк сломался бы от первого удара, просто мне нравилось то, что я делаю.

Он висел здесь уже несколько часов. За это время рассказал мне, где спрятана наличность, сколько бабла у него на

банковских счетах и их номера, вместе с секретными кодами. Он даже рассказал мне, сколько у него было любовниц и когда он трахал последнюю. Он перечислил всех своих врагов и друзей. Я же сидел на стуле напротив и смотрел на него, периодически вставая для того, чтобы нанести удар четко в одно и то же место – в печень. Потом возвращался обратно под его скулеж и снова крутил в пальцах четки.

Я знал, насколько ему страшно и что через пару минут он начнет рыдать от безысходности и ужаса или помочится под себя. Они все рано или поздно мочились в штаны, когда понимали, что это конец.

– Зверь! Заканчивай с ним. У нас других дел по горло.

– Жди меня снаружи, я скоро.

Я даже не обернулся к Меченому, а просто встал со стула и подошел к толстяку.

– Антон Павлович... – мужик дернулся на веревках и замычал, когда я щелкнул «бабочкой» и провел острием выкидухи у него по груди, – вы имеете медицинское образование, как вы думаете, если я суну лезвие вам под ребро, я сразу пробью легкое или через слой вашего жира я туда не доберусь?

Тот снова дернулся и замычал, ведь ответить он мне не мог, так как его рот я плотно заклеил скотчем.

– Эта рана будет смертельной? Или если я оставлю вас здесь висеть и уйду, через какое время вы сдохнете и насколько ваша смерть будет мучительной?

В этот момент я содрал с его рта скотч и он истерически завопил:

– Кто вы? Чего вы хотите? Я все вам рассказал! Всё! Чего вы хотите от меняяя? Аааааа.

Я обернулся, чтобы убедиться, что Меченый вышел и приблизился к жертве:

– Не все.

Мужчина в ужасе смотрел на меня и над его верхней губой блестели капли пота. Он мелко трясся, как паршивая собачонка перед хозяином, чьи тапки она загадила, и когда я замахнулся, толстяк снова дернулся, он чуть ли не плакал.

Я провел лезвием под ребром и слегка надавил, пуская кровь.

– Люблю делать надрезы, маленькие, но глубокие. Чтобы доставляли максимум боли и долго не заживали.

С этими словами слегка просунул лезвие и тут же вытащил. Его крик был похож на визг свиньи, а я рассмеялся.

– Это царапина, с такими ранениями живут. С двумя, с тремя. А вот если я изрешечу твое тело – ты умрешь. Медленно. Здесь. Истекая кровью. Несколько дней назад Ворон передал тебе конверт с бабками. За что он заплатил тебе?

– За услугу... – всхлипнул толстяк. – Он попросил меня кое-что изъять из архивов, поменять имена. Это было давно... Он обещал помогать мне...

Я усмехнулся. Помогать, значит? Или молчать? Но почему не заткнул рот навсегда тогда? Точнее, почему решил за-

ткнуть ему рот именно сейчас?

– Как давно попросил?

– Пятнадцать лет назад.

– О чем попросил тебя пятнадцать лет назад Савелий Ан-типович Воронов? Что ты изъяс из архивов? И какие имена поменял?

– Имя в свидетельстве о рождении.

– Дальше, – я играл с ножом у него перед носом, а потом нервировал его, обходя со всех сторон и заставляя извиваться, чтобы попытаться увидеть мои действия. Остановился сзади.

– Ничего больше... – он закашлялся. – Это пустяковая просьба. Ничего особенного.

– Ничего особенного, говоришь? – я снова остановился напротив. – Настолько ничего, что он платил тебе каждый год? В чем свидетельстве ты поменял имя?

– Имя матери. В свидетельстве его сына. Господи, отпустите меня, это он вас послал? Так я больше не просил денег. Он сам мне платил. Я могу все вернуть. Честно! Только отпустите.

– Какое имя было в свидетельстве?

– Я не помню.

Я усмехнулся и сделал еще один надрез у него под ребром. Подождав, пока он закончит орать, вытер лезвие о его штаны.

– Вспомнил?

Толстяк быстро закивал.

– Я все скажу. Светлана ее звали. Ильина.

Еще бы ты не запомнил, иначе ты бы не напоминал о себе Ворону каждый год. Ты не просто запомнил, мразь, ты даже записал или перефотографировал.

– Год рождения запомнил?

Он снова быстро закивал.

– Да. Запомнил.

– Старое свидетельство или копия остались?

– Нет. Я все уничтожил... Я...

Я посмотрел ему в глаза и потрогал лезвие, нарочно разрезал палец и слизал кровь.

– Остались... у меня на даче. В чулане в чемодане с архивными папками. Мы можем поехать и найти вместе.

Я и сам найду, не переживай. Притом найду в ближайшее время.

– Я не попрошу больше денег. Отпустите. Вы обещали... – заскулил он, начиная понимать, что вот теперь он реально сказал мне всё и соответственно его жизнь не стоит больше ни гроша.

– Конечно ты больше не попросишь.

Когда я выходил из гаража, труп толстяка валялся на полу, с выколотыми глазами и стодолларовой купюрой во рту.

Я вытер лезвие ножа и швырнул его в кусты. Меченый зашел в гараж, потом вышел оттуда и сплюнул.

– Твою мать, Зверь.

Он бросил на меня взгляд исподлобья и отвернулся.

– Все. Поехали. Тебя домой, а мне еще пару дел проверить надо. Я уеду из города ненадолго. Ворону скажешь, по его делам поехал. У меня там может не быть связи.

Значит, еще одна девка, Ворон? Скольких же ты перетраhal тогда? И зачем имя сменил? Чтоб твой драгоценный отпрыск не нашел мамашу? А тот, как лох цветочки возит Самайловой на кладбище.

Я вспомнил, как Ворон позвал меня к себе, когда дал задание убрать Палыча и, прикрыв дверь кабинета, кивнул на кресло. Весь такой холеный, пахнувший дорогим одеколоном, с сигарой в длинных пальцах. Плеснул виски в стакан и щелчком подвинул его мне.

– У меня к тебе дело, Зверь.

Конечно, у тебя ко мне дело, и, видать, грязное, если ты меня позвал. Ты всегда обо мне вспоминаешь, когда нужно запачкаться. Притом запачкаться аккуратно. Так чтоб понятно было кто, а доказать невозможно. Эдакая игра на узнавание, устрашающая тех, кто думает перейти дорогу Ворону.

Сава подтолкнул мне конверт.

– Там имя и деньги.

– Сроки?

– Вчера.

Я усмехнулся. Что ж так сильно припекло? Наверняка связано с приездом его сына.

– Понял.

Я смотрел на окна трехэтажного старого дома и прикидывал, насколько незаметно могу проникнуть в квартиру на последнем этаже. Если начать ломиться в окно, то все эти бабушки-старушки, любезно растрепавшие мне душещипательную историю алкоголички Светланы Ильиной, сдадут меня ментам с потрохами. Оставалось попробовать войти через дверь. Если судить о том, что мне рассказали, то квартира старая и обветшалая. Сомневаюсь, что там навороченный замок, скорее всего старый совдеповский, легко вскрываемый шпилькой или отмычкой. Так будет намного меньше шума. Я дождался темноты, чтобы понять, есть ли кто в доме. Потому что у Ильиной, которую много лет назад увезли в белой горячке в какой-то гадюшник, остался сожитель, наклепавший ей троих детей. Этот сожитель иногда являлся в квартиру отоспаться и дружков приводил, в том случае, если не допивался до ручки и мог найти дорогу домой. Детей давно отобрали и распахали по интернатам.

Я повел печами. Это какой падалью надо быть, чтоб спиться, когда у тебя трое по лавкам. Никогда не понимал, почему алкоголиков и наркоманов считают больными людьми и жалеют. Еще б назначали им пособие по болезни, как на Западе. У меня они кроме презрения ничего не вызывали. У человека всегда есть выбор, кем стать, и если он выбирает стать живым мертвецом, то это только его выбор и пусть за него расплачивается. Нехрен таких жалеть. Жалость вообще

непотребная эмоция. Их бы стерилизовать в детстве, чтоб не плодили таких же, как и они сами... или такого, как я. Беспризорника, сына шлюхи-наркоманки, которую прикончил сутенер за то, что обслужила мало клиентов.

Свет в окнах так и не зажегся. Могу себе представить, что там за вонище в их квартире. Надеюсь, меня не зря несло в эту глушь. Я посмотрел на машину, прикидывая вероятность того, что ее угонят. Вряд ли здесь такую вообще видели.

Поднялся на третий этаж, усмехнулся, увидев трухлявую дверь с облупившейся краской. Посветил фонариком в замочную скважину. Дело двух секунд.

Через минуту я уже прикрыл ее за собой изнутри, освещая себе дорогу. Твою ж мать. Всё в битых стеклах, разводах и ещё какой-то липкой дряни. Похоже, здесь никого не было пару недель. Осторожно ступая, я забрел в комнату. Понятия не имею, зачем я здесь и что именно ищу, но мне нужны доказательства смены фамилии в свидетельстве о рождении Андрея Воронова, как и материнства Ильиной, а то меня начали терзать смутные сомнения, не зря ли я сюда приперся и не наврал ли мне Антон Павлович, земля ему пухом... Ну, или грязный пол гаража.

Я открывал ящики, вываливая содержимое на пол и перебирая бумажки. Чертовски непросто это делать, довольствуясь только светом фонарика.

Какого барахла здесь только не было. В гостиной я так ничего и не нашел, кроме фотографий самой Ильиной в мо-

лодости. Красивая она была. Даже очень красивая. Понятно, почему Ворон позарился. Было на что. Сунул фотки в карман. Зашел в спальню, здесь меньше воняло сыростью и затхлостью и под подошвами не хрустело стекло.

Я осветил на железную кровать, на пол, застеленный каким-то драным, засаленным половиком и подошел к комоду на трех ножках – вместо четвертой лежала пара книг.

После опустошения двух ящиков я начал злиться. Нихрена здесь нет, кроме настолько непотребного хлама, что мне просто хотелось вымыть руки от омерзения. Квартира, судя по всему, была пристанищем не только алкоголикам, но и наркоманам. Я находил в ящиках шприцы и матерился, стараясь не уколоться этой дрянью.

Внезапно позади меня скрипнули половицы, и я резко обернулся, освещая комнату – пусто. Примерно такой же звук издавал я, когда ходил по комнате. Но здесь никого нет, разве что... Я направился к кровати и прищурившись достал из-за пояса нож. Палить из ствола – не самая умная затея, а тот, кто сидит под кроватью, явно спрятался от меня.

Через пару секунд я уже держал за шкурку извивающуюся и царапающуюся как дикая кошка девчонку. Тряхнул ее пару раз, чтоб успокоилась. Раздумывая, вырубить ли ее сейчас или дождаться, когда заорет.

– Эй! Угомонись! Угомонись, я сказал!

Я осветил ей в лицо, и она зажмурилась. Малолетка. Со всем ребенок. Лет четырнадцать, не больше.

– Я милицию вызову! – пропищала, как мышь, а я рассмеялся и тряхнул ее снова, пытаюсь понять, что «оно» такое и как сюда попало.

– Ты кто? Зачем в чужом доме прячешься?

– Это мой дом, – она пыталась смотреть на меня. Но я слепил ее фонариком, – а ты вор.

Захотелось расхохотаться. Вор. Можно подумать, здесь есть что воровать. Я вспомнил лицо Ильиной на фото и снова бросил взгляд на девчонку – это её дочь. Та самая, которая, по словам соседки, в интернате неподалеку якобы находится. Сестра Андрея Воронова. О которой тот ни слухом ни духом... Впрочем, я сам еще не уверен, что Ильина была его матерью.

– Не вор. Родственник.

– Нет у нас родственников, – снова попыталась вырваться, и я поднял ее повыше и осветил с ног до головы. Темноволосая пигалица. Худющая. Кожа и кости. В каком-то свитере страшном и штанах рваных. Босая.

– Есть. По линии матери. Я за документами пришел. Не знаешь, где мать все документы хранила?

– Отпусти меня – скажу.

– Заорешь – вырублю. Усекла?

Она кивнула, и я поставил ее на пол, продолжая светить в лицо.

– Нет у нее документов. Пропили они все. Даже паспорта свои пропили.

Гадство... придется ехать к покойному «тюфяку» на дачу и искать там, а если наврал – то я облажался.

В этот момент кто-то закопошился в замке и входная дверь со скрипом отворилась.

Девчонка хотела улизнуть, но я сцапал ее за шкурку и прижал к себе, чтоб не брыкалась.

– Тихо ты! Кто там? – шепотом спросил.

– Отец вернулся, – как-то обреченно прошептала она. Я снова посмотрел на неё и вдруг понял, что пряталась она не от меня, а от того, кто только что вошел в квартиру и заорал прямо от порога.

– Дашка, сучка, спряталась? Найду – патлы выдергаю. Водки принеси. Дааашкааа.

Глава 6. Дарина

Если бы Красная Шапочка не пошла в лес, то любви бы не случилось...

(с) Delfik

Я забилась в угол в коридоре, растирая плечи холодными пальцами. Тусклая лампа без плафона освещала грязный кухонный стол с двумя гранеными стаканами и бутылкой посередине, а за ним двоих мужчин. Отец беспрестанно наливал себе, Вор (Вором назвала, потому что имя он мне не сообщил) не сделал даже глотка. Я рассматривала парня с любопытством и настороженностью. Раньше, таких как он у нас здесь не видела. Понятно, что бандит, в квартиру влез профессионально, но он иного поля ягода, чем наша шпана районная, которая тачки взламывает и по хатам шастает. Вор был похож на хищника. Очень опасного хищника. Только пьяный отец этого не замечал и болтал без остановки, а Вор смотрел на него, откинувшись на спинку стула и крутил стакан то в одну сторону, то в другую. На его пальце поблескивал массивный золотой перстень, и я поняла, как смешно прозвучала моя фраза, когда я назвала его вором. Может он и вор конечно, но в нашей квартире явно не за этим явился. «Гость» напоминал мне пантеру. Притом пантеру, которая

видит добычу, но слишком мелкую, и прекрасно знает, что сможет сцапать её в любую минуту.

Когда вернулся отец, я так испугалась, что думала, мое сердце остановится в горле. Выцепив осоловевшим взглядом меня и Вора, тот заорал на всю квартиру, что я, шлюха малолетняя, хахаля привела. Стало обидно, но не за шлюху, он меня так постоянно обзывал, а за то, что была б шлюхой – жилось бы мне намного легче. Да, почти шестнадцать, но это только наивные взрослые верят, что в шестнадцать все беспросветные дети малые и наивные. У нас в интернате такое вытворяли, что некоторые взрослые сдохли бы от смущения, а кто-то от гадливости и ужаса. Отец всегда намекал, что я могу приносить пользу семье не учебой в этом гадюшнике, а... иным и древним как мир способом. «Давно могла отца обеспечить, дрянь неблагодарная». Иногда я задумывалась – он точно мой отец? Потому что прочитанные мной книги, где родители неизменно любили своих детей, холили и лелеяли, явно отличались от получаемого жизненного опыта. Только это вечно пьяное, вонючее чудовище все же было моим отцом, к сожалению. Иногда, будучи помладше, я мечтала, что в один прекрасный день окажется, что мой настоящий куда-то уехал, а теперь ищет меня изо всех сил и рано или поздно найдет. Мечтать об этом я перестала в десять, когда мать увезла скорая, а обратно её уже не вернули. Меня забрали соцработники, уверяя в том, что в интернате я забуду о плохом обращении, голоде и найду друзей. Ха!

Черта с два! Меня там избили почти до полусмерти в первый же день за то, что я, новенькая, свою запеканку съела и не поделилась, как это было у них заведено. Но сбегала я оттуда не поэтому, давать сдачи я научилась очень быстро и очень больно, а по другой причине...

Отец орал и матерился, но броситься на Вора не торопился. Все же не окончательно мозги пропил, потому что кроме ножа у гостя и ствол имелся, слева, под кожанкой. Думаю, и отец об этом догадывался.

Я пистолет хорошо щекой почувствовала, когда Вор придал меня к себе, чтоб не вырывалась и не кричала.

Гость привлек внимание отца деньгами, вот так просто достал из кармана, продолжая меня держать, повертел купюры в пальцах, как дразнят подачкой голодную собаку, и отец, сменив гнев на милость, тут же заткнулся, а потом опасно приблизился, сцапал и зажал в кулаке. Купить бутылку гость ему не дал, понимал, что отец сразу заведется куда-нибудь, за водкой меня послали.

Я забежала к тете Дусе в соседний дом и принесла домой самогон. Сдачу Вору отдала. Когда поставила на стол бутылку, отец вдруг замахнулся, но Вор перехватил его запястье.

– Она самогон притащила!

– Тебе какая разница? Пей, давай. Девку не трогай.

– Могла и водочки купить на твои-то бабки, – он заржал, показывая гниловатые зубы. – Сучка, нахлебница хренова. Сидела бы в интернате своем, нет – сбегает вечно, а мне

корми, пои. Мне б себя прокормить. Что смотришь, дрянь? Спасибо скажи, что обратно не отвез, а ты отцу – самогон, небось, сдачу забрала? Глянь, какой гость важный у нас.

Конечно важный, для него любой, кто при деньгах, важный. Почему сбегая? Потому что. Не важно, почему. Если к тебе, чудовище, иду, значит лучше здесь, чем там.

Я снова на гостя посмотрела. Высокий, худощавый, но сильный, словно из гранита высечен. Когда прижимал к себе, даже больно было. Интересная внешность у него – волосы черные, брови вразлет, кожа смуглая, обветренная, а глаза голубые. Может, и не русский. Родственник? Ага, а я королева Виктория. Он вообще на цыгана смахивает. Из него такой же наш родственник, как из меня та самая королева.

Снова потёрла плечи. Сильно сдавил, еще синяки останутся. Ну и черт с ними, с синяками, одним больше, одним меньше. Я и так в горошек вся. В огромный такой, багрово-сине-зеленый горох. Лишь бы отец больше не лютовал. Три дня назад он меня чуть не убил, когда водку свою проклятую не нашел. Называл Светкой-шлюхой и бил пряжкой ремня солдатского, приговаривая, что я его пойло с кем-то выпила. Куда попадал – туда и бил. Я только голову руками прикрывала и скулила, как собачонка.

Соседи уже давно ментов не вызывали. Привыкли или просто наплевать. Скорее, второе. Здесь всем и на всех наплевать. Отца тогда собутыльник от меня оттянул, а потом три дня их не было. Думаю, что отец выручку пропивал. Он

грузчиком подрабатывал, а там наличкой платили. Только бабки получит – сразу пить. Я за это время отлеживалась, к синякам лёд прикладывала и ревела. Некуда мне пойти. Даже в больницу нельзя – в интернат вернут. А туда нельзя. Никак нельзя, и кроме этого оборотня у меня нет никого. Братьев найти смогу, только когда школу окончу, а мне еще год учиться. Училась я хорошо, но не потому что умная такая, а потому что хотела другой жизни. Уже тогда я решила, что когда вырасту, буду всегда получать то, что хочу. Всегда. Любыми способами.

Парень отца выпрашивал насчет матери. Я особо не понимала, что именно он хочет, но спрашивал про фотки старые и про ребенка какого-то. Отец сказал, что мать шалавой была, и с кем она там путалась до него, он не знает. Могла б – я бы глаза ему выколола той самой вилкой, которой он куски колбасы с тарелки цеплял. Вор ответил, что если не помнит, то тогда ему пора, и бутылку со стола прихватил. У отца сразу амнезия прошла.

Я и сама слышала историю, как в молодости мать с каким-то богатым крутила и ребенок у нее от него был, потом мужик ее бросил и мать пить начала, а через время он вернулся и сына отобрал. Мать не любила рассказывать об этом, но иногда, пьяная, она рыдала и кого-то из моих братьев Андрюшенькой называла и как-то фотографию мне показывала с темноволосым и кареглазым мальчиком. Она её от всех прятала. Мать нас очень любила и никогда меня не

била. Просто слабая она оказалась... и жизнь такая у нее. Не повезло.

Я снова посмотрела на Вора. Внимательно слушает, но, судя по всему, ему этого мало. Отец вроде и отвечал на вопросы, но, когда гость, подавшись вперед, спросил насчет документов, меня позвал.

– Дашка, сюда иди! Сюда, я сказал!

Я встала, одёрнула свитер и подошла к столу.

– Пусть еще бухла принесет, – отец нагло осклабился, – я так лучше вспомню, где документы Светка прятала.

– Не покупайте ему, он ничего не скажет. Он песни петь будет или драться полезет.

– Молчи... ик... сучка! Убью! Я так говорить не буду – у меня бутылка пустая.

Вор дал мне денег.

– Купи.

– Давай, Дашка, пойдя еще принеси. Иди, а то выдеру!

Пока я копошилась в коридоре, натягивая прохудившиеся сапоги, Вор вышел ко мне.

– Даша, ты куда за самогоном бегаешь?

– К соседке, – угрюмо сказала я, поднимая воротник куртки.

– Что у нее еще есть, у соседки твоей?

– Все у нее есть. Она на базаре торгует.

– На. Купи себе, что захочешь, самогон не покупай, поняла? – он протянул мне деньги.

– Не надо. Я не голодная.

С детства не любила ни у кого ничего брать. В этой жизни за все надо платить. За жарчку платить не хотелось. Особенно этому. Мне он и нравился, и не нравился. Чего это вдруг добрым заделался? В этот момент у меня громко заурчало в животе. Он усмехнулся, и я на секунду засмотрелась. Как короткое замыкание. Улыбка очень красивая и глаза светло-синие. Такие разве бывают? Вор мне деньги сунул, пока я пялилась, как дура, хотела руку отдернуть и манжета пальто задралась. Теперь он пристально смотрел на моё запястье, покрытое багровыми синяками.

– Отпусти! Чего уставился?

Но Вор сжал сильнее, я видела, как на его скулах заиграли желваки, поднял на меня взгляд и прищурился. Потом резко повернул мою голову в сторону, удерживая за подбородок, за ухом красовался такой же багровый след, но там еще и кожа лопнула. Я вырвалась, зло отшвырнула его руку.

– Отец? – спросил и глаза сверкнули. Нехорошо сверкнули. Даже мороз по коже пошел.

– Не твое дело! – огрызнулась и снова подняла воротник. Вор сцапал меня за шкурку, насильно сунул деньги в руку.

– Купи, я сказал, и дольше там побудь, поняла? – вот сейчас его голос звучал иначе, страшно звучал, угрожающе, – Конфет купи. Чтоб сдачи не было. Я проверю. Давай иди, малыш.

Никуда не пошла, в коридоре притаилась. Знала я, что будет. По глазам гостя поняла, по тону голоса. Такие, как этот, не платят, они своё иными способами получают. Послышались сдавленные крики и звуки ударов – Вор отца прессовал, и сильно прессовал. Тот все вспомнил. Все отдал. Оказывается, не пропил документы, прятал. Не могу сказать, что мне его жалко было, но и удовольствия я не испытывала. Отец все-таки. Мразь, но отец. Пусть живет. Только понимала, что ментов звать не стану и в квартиру не пойду. Под руку Вору попасть не хотелось. А потом я услышала его голос:

– И еще, падла, хоть пальцем девчонку тронешь – вернусь и кастрирую. Яйца отрежу и сожрать заставлю. Понял? Понял, я спрашиваю?

– Таааки Дашка тебя привела, сука малолетняяя!

Звук удара:

– Это ты сука и тварь гнилая! Понял, что я сказал?

– Понял... Не бей. Все понял. Не трону дрянь. Мамой клянусь.

Еще один удар.

– Никогда не клянись самым святым, урод!

– Не буду клясться, только не бей, ты мне почки отбил... ааааа!

– Ничего, в больничке поваляешься, харчи казенные на халяву похлебаешь и протрезвеешь заодно.

– Оххх... ребра сломал.

– Не скули, тварь! Скажи спасибо, что живой. Урыл бы

суку! Пальцы повывергивал!

Я судорожно выдохнула. Нельзя мне теперь домой. Отец оклемается и убьет меня. Ни в какую больничку не поедет. Он все на мне выместит. Я медленно спустилась по ступенькам и посчитала деньги. Мало, конечно. Ни на что особо не хватит. Посмотрела на шикарную тачку парня. Мерседес. У нас я таких не видела. Красивый, черный, блестит от капель росы. В этот момент Вор вышел из подъезда, направляясь к машине. Я спряталась, присев сбоку.

Он подошел к багажнику, открыл и достал оттуда какую-то папку, в этот момент его мобильный затрещал и он закурил, ответил на звонок, повернувшись к дому и спиной ко мне.

– Да. Разобрался, нашел. Завтра буду в столице. Все отлично. Давай. Связь тут плохая.

Когда он обернулся, чтоб захлопнуть багажник, я уже удобно устроилась там на каком-то одеяле, прикрылась и молилась, чтобы Вор меня не заметил. Он и не заметил, а у меня адреналин шпарил по венам и гудел в ушах. Понимала, что творю нечто сумасшедшее, безумное. Только назад дороги не было, ни в интернат, ни к чудовищу я не вернусь. А вот в столицу я хотела попасть.

Когда машина заревела и сорвалась с места, Вор включил обогрев и стало тепло, а потом на всю врубил музыку.

Я лежала, спрятав руки под мышки, чтобы согреть замерзшие пальцы. Даже задремала. Про голод совсем забыла.

Когда выныривала из сна, думала о том, что теперь начну другую жизнь. Пусть и на улице первое время, но зато подальше от этого проклятого места. Может, братьев найду. Они взрослые уже все.

Ближе к утру машина остановилась, и я затаилась, прислушиваясь. Усмехнулась. Понятно, человеческие потребности никто не отменял. Напрасно я расслабилась, потому что крышка багажника резко открылась и меня за шкуру выволокли наружу, швырнули на обочину, и я проехала животом по асфальту. Шапка в кусты отлетела.

– Это что за гребаный сюрприз, а? Совсем охренела, мелкая?

Вор курил и смотрел на меня исподлобья, пока я вставала, искала шапку. Рассвет топил трассу в сером тумане и срывались мелкие капли дождя. Ветер крутил оранжевые смерчи листьев прямо у меня перед носом.

– Нельзя мне там оставаться, – сказала я, отряхивая колени, – ты его, а он меня потом.

– В интернат свой иди, – Вор нахмурился, делая сильные затыжки и выпуская дым с паром вместе.

– И туда нельзя. Понимаешь?! Нельзя!

– А мне какая разница? – он пожал плечами, руки в карманы сунул, зажимая сигарету зубами.

– Никакой. В столицу подбрось.

Вор усмехнулся. Унизительно осмотрел меня с ног до головы.

– И что ты там делать будешь? Работу искать? Тебе ж, наверное, и пятнадцати нет. Давай, девочка, вали обратно в Мухосранск свой. Никто тебя в столице не ждет. Не будь идиоткой. Я недалеко отъехал. Деньги на автобус у тебя есть. Ты ж конфеты не купила?

– Не купила, – буркнула я.

Он выкинул окурок и направился к машине, а я бросилась следом и вцепилась ему в руку. Если уедет – конец мне. Идти совсем некуда. Меня менты сцапают и в интернат вернут.

– Пожалуйста, отвези. У меня там братья. Я найду их. В интернат нельзя. Там нас...там...

Он обернулся и стиснул челюсти, глядя мне в глаза, и я снова подумала, что взгляд у него невыносимый, очень тяжелый.

– Что у вас там?

– Что? Продают папикам-педофилам всяким. Это вам по телеку показывают чистеньких деток с несчастными глазами, а там ад. Понимаешь?

Он усмехнулся ровно на секунду, а потом сгреб меня за капюшон.

– Врешь!

– Зачем? Думаешь, мне нравится у отца жить? Но лучше побои. Я в интернат не вернусь.

– Зачем?! Чтоб на жалость надавить. Я тебя сам сейчас в интернат отвезу. В столицу она хочет. Совсем дура, что ли? Кому ты там нужна? Книжек начиталась? Фильмов насмот-

релась?

– Отвезешь – я сбегу. Какая разница. Не буду я там. Не хочу... страшно мне.

– А я, значит, не страшный по-твоему? Может, я хуже всех этих папиков вместе взятых. Ты не знаешь, кто я!

– Не страшный. Ты меня не обидишь.

Засмеялся, но зло и мрачно, склонился к моему лицу.

– Дура наивная. А на улице в столице думаешь, не страшно? – прорычал и сдавил пальцами мои скулы. Я быстро заморгала, но взгляд не отвела.

– Везде страшно, но там страшнее... Там детей продают.

Он долго мне в глаза смотрел, словно пытался понять, не лгу ли я. Потом молча оттащил к машине и затолкал на переднее сидение. Когда не развернулся, а поехал по прямой, я с облегчением выдохнула. Выиграла. Странно, но хищник почему-то мне поверил и пожалел. Хотя он совсем не похож на тех, кто хоть кого-то в своей жизни жалеет.

Через несколько километров мы остановились на заправке, и Вор таки купил мне конфеты, а еще сэндвич и стакан с какао.

– Даша, значит? – спросил и снова музыку включил.

Я кивнула с полным ртом.

– Да-ви-на.

– Как? – он засмеялся, надкусывая свой сэндвич и вырвавшая на дорогу.

Я проглотила последний кусок бутерброда, запила какао

и повторила:

– Дарина. А тебя как звать? Вор тебе не очень подходит.

– Ты назвала меня Вором? – снова улыбается, а я смотрю и понимаю, что отвести взгляд получается с трудом. Красивый он, Вор этот. Очень красивый. Сейчас, когда совсем светло, я могла даже рассмотреть и щетину на скулах, и ровный прямой нос. А еще у него ресницы длинные.

– Да. Как еще? Ты не представился.

– Тебе кличку или имя?

– Ну я же тебе имя сказала.

– Макс.

Макс...Ему подходит. Я откинулась на сиденье и с наслаждением сунула шоколадную конфету в рот. Откусила половинку и, завернув в бумажку, хотела спрятать в карман. Внезапно резко повернула голову – Макс внимательно на меня смотрел, периодически бросая взгляды на дорогу.

– Ешь, мелкая, не жалея. Я еще куплю.

Наверное, именно тогда я и влюбилась в него.

Глава 7. Андрей (Граф)

Если не можете избавиться от скелета в шкафу, заставьте его станцевать.

(с) Джордж Бернард Шоу

Наконец-то самолет приземлился. Казалось, полет длился бесконечно. В голове – рой мыслей, они переплетались между собой, вытесняли друг друга, чтобы, в конце концов, запутаться в какой-то уродливый узор. Слишком много вопросов, которые звучали, как вой сирены, разбивая вдребезги попытки проанализировать информацию.

Я ступил на первую ступеньку трапа и в лицо ударил пронизывающий ветер. За ворот пальто пробирался дождь, его ледяные капли расплзались по позвоночнику трещинами озноба. Привет от родины – отрезвляющий, отдающий холодом, в унисон нарастающей тревоге.

На парковке меня ждал Александр Владимирович по кличке Афган – один из приближенных людей отца. Я никогда его так не называл, испытывая какое-то особое уважение, да и вырос я на его глазах. Поздоровавшись и пожав друг другу руки, мы сели в Мерседес. Откинувшись на спинку сиденья, я глубоко вдохнул, рассматривая толпу спящих людей. Шансы встретить ее здесь нулевые. Но, тем не менее,

я провожал взглядом любую белокурую женщину, которая проходила мимо. За последние несколько часов я думал о ней так много, что мне казалось, помню её черты до мельчайших подробностей.

– Андрей, ну что, поехали, отец уже заждался...

– Мы не поедem к отцу. Я забронировал номер в «Александрии», отвезите меня туда.

– Но Ворон приказал...

Он сделал паузу, которую я не собирался затягивать.

– Я еду в гостиницу. Оттуда приеду на кладбище. Во сколько похороны Царя?

– В 15.00

– Я буду вовремя.

Мы перекинулись еще парой дежурных фраз, но разговор не складывался. Чувствовалась натянутость и каждый из нас не мог дождаться, когда автомобиль наконец-то вырвется из пробок, и мы доберemся до места назначения.

Я смотрел в окно, на проносящиеся мимо здания, но словно не замечал, насколько изменился город. Настоящий мегаполис. От серых и грязных улиц, которые я в спешке оставил много лет назад, почти ничего не осталось.

– Да куда ты прешь... придурок! Ты бы еще на встречу выехал, дебил, бл***! – Александр Владимирович открыл окно и орал в сторону белого Ниссана. Парень за рулем вжался в сиденье и перепугано наблюдал за затором, который образовался всего за несколько минут. Остальные водители на-

чали сигналить, нервно жестикулировать, сопровождая все свои движения отборным русским матом, который можно было с легкостью разобрать по движению губ.

– Вот теперь я почувствовал, что дома... – с легкой ухмылкой произнес я.

– Сынок, если проблему с дорогами решить удалось, то идиоты – неистребимы!

Через несколько минут мы подъехали к гостинице и я, взяв в руку чемодан, вышел из машины и, поблагодарив Афгана, направился к центральному входу.

Перешагнув порог номера, подошел к журнальному столику, чтобы быстрее включить ноутбук. Сбросил с плеч пальто и швырнул его на кровать. Сейчас на связь выйдет человек, который предоставит мне всю информацию на Лену. Я в который раз пересмотрел содержимое конверта: свидетельство о рождении Карины Градовой, результаты теста ДНК и фотоснимки.

Мне предстояло выяснить, чьи руки оказались настолько длинными, чтобы заполучить для анализа мои образцы. Без помощи человека из моего окружения не обошлось. Предательства давно перестали меня удивлять, скорее – оседали на душе неприятным осадком, заставляя действовать и принимать твердые решения. Данный вопрос пока отодвинут на второй план как второстепенная деталь, ведь сейчас главное – понять, кому все это нужно? Подлинность теста ДНК не вызывала никаких сомнений – перепроверить данные мож-

но за несколько дней, и в случае подвоха основа, на которой кто-то и затеял эту игру, разлетится вдребезги.

Взгляд опять скользнул на фото. Я взял их в руки, унять легкую дрожь не получалось. На каждом снимке – живое доказательство обмана, в котором я жил последние годы.

Вы знаете, в чем горечь насмешки судьбы? В ее оглушительном смехе над тем, как рушатся ваши представления о собственной жизни.

Когда-то я поклялся себе, что мой ребенок никогда не узнает, что такое одиночество. Что я никогда не позволю ему чувствовать себя ненужным. Потому что быть сиротой при живых родителях – хуже, чем оплакивать их смерть. Считайте это личным принципом Андрея Воронова. Без лишнего пафоса или претензией на добродетель. Потому что детям всегда приходится принимать чей-то выбор, их судьба – результат чужого решения.

И сейчас, вглядываясь в карие глаза на фото, я словно видел свое отражение, а горло сдавливала та самая горечь. Обещания, которые я давал себе, нарушили вместо меня. Дышать становилось все сложнее, а ощущение того, что ложь вытесняет собой даже воздух, с каждой секундой все больше обострялось. Сжал кулаки до хруста, стиснул зубы до скрежета и боли в скулах, пытаюсь хоть как-то сдержать тот вихрь эмоций, который разрывал меня изнутри. В голове калейдоскопом проносились картинки и отрывки фраз. Я лихорадочно перебирал свои догадки и не мог нащупать, с какого

именно момента все это началось? Теперь неслучайным казалось все: наш с Леной разговор, убийство в том баре и мой вынужденный отъезд. Что за гребаные игры? Вопрос завис... Так бывает, когда уже знаешь ответ, но он настолько горчит, что хочется выждать еще хотя бы пару секунд перед тем, как его озвучить.

Услышал звуковой сигнал – уведомление. На мейл пришло новое письмо. Все, как мы договаривались. Контактные данные и информация о Елене Градской. Нажал на значок и открыл первые фото. Все-таки стала журналисткой... На весь экран раскрылся скан ее первой статьи, дальше – фото в редакции, сидит за рабочим столом, а вот поднимается по ступенькам, чтобы получить какую-то награду. Улыбается, но голова немного опущена, словно избегает встретиться с кем-то взглядом. Все, как она хотела. Внутри теплыми волнами разлилась радость, даже гордость, но через секунду смешалась с едким разочарованием – ее мечты сбывались не рядом со мной. Тринадцать лет назад я был готов исполнить их все. Не важно, какие и какой ценой. Я любил её.

Дьявол! – резко поднялся из кресла и подошел к мини-бару. Плеснул на дно бокала виски и залпом выпил. – Какие, к черту, мечты?! Моя дочь росла без меня! Кто ее воспитывал? От мысли о том, что она называет кого-то папой, что какой-то чужой мужик делает ей замечание или покупает платье, которое она неделями высматривала за витриной магазина, сердце сжалось от тупой боли и злости. На себя, на си-

туаацию, на чертов хаос, в который нас погрузили.

Открываю досье... Не замужем... Почувствовал, как натянутая до предела пружина, которая сдавливала горло и затрудняла дыхание, немного разжалась. Вздых облегчения непроизвольно вызвался из груди. Все-таки не замужем... Но почему? Красивая, умная, сексуальная. Неужели не нашелся тот, с кем захотела прожить жизнь? Хотя чему тут удивляться – я ведь не нашел.

Из водоворота мыслей меня выдернул телефонный звонок. Звонили с ресепшена – машину, которую я арендовал на первое время, можно было забирать. Через полчаса начнутся похороны Царя.

На кладбище съехались самые авторитетные люди области. Если вы думаете – для того, чтобы уважить память Царева-старшего, то глубоко заблуждаетесь. Все присутствующие напоминали стаю стервятников, которые не только слетелись на свежую падаль, но и вертят головами, метая друг в друга острые взгляды, чтобы дать понять: «завтра я так же, без промедления, буду пожирать твою плоть».

То, что кто-то убрал Царя (а в том, что его убрал кто-то из близкого окружения, никто не сомневался), значило, что начинается процесс передела власти. Был выбран очень весомый и громкий способ заявить об этом – убийство готовилось крайне тщательно. Только сейчас никому вообще не было дела до мертвого Царева и его жены, – прямо на месте,

возле их нашпигованных венками могил, уже вовсю разыг-
рывались закулисные партии.

Серое небо было затянуто тучами. Весь день, не прерыва-
ясь, моросил дождь. Пока шел от машины к могиле, затыл-
ком ощущал косые взгляды, озлобленность и тяжелое дыха-
ние. Я даже слышал внутренние монологи всех тех, кто здесь
собрался. Начиная от авторитетов и заканчивая шавками из
охраны. «О, приперся, буржуй холеный», «И не сиделось ему
с америкосами долбаными», «Да куда он лезет, сынок па-
пенькин».

Да, для каждого из них я был не просто чужим, а тем, кто
претендует на куш. Весь этот контингент ждал, когда импе-
рию Ворона расшатает, чтобы начать очередной распил.

Я повернул голову в сторону и увидел тяжелый взгляд
отца. Наверное, впервые в жизни я не отвел глаз, выдер-
жав длинную паузу. Пальцы непроизвольно сжались, изнут-
ри вихрем поднималась злость. Она была настолько сильной,
что в ту же секунду мне хотелось собственными руками сте-
реть с его лица все высокомерие и самодовольство. Вальяж-
ной походкой хозяина жизни он приближался все ближе, не
отрывая взгляда, лицо каменное и непроницаемое, только
уголки губ, которые дернулись вверх, выдавали его эмоции.

Казалось, даже шум ветра стал еле слышным, а окружа-
ющие нас люди не смели сделать лишнего движения. Все
присутствующие здесь замерли в ожидании – как пройдет
эта встреча? Какие слова будут произнесены? Чем для каж-

дого из них обернется появления “лощеного Вороновского ублюдка”? Они следили за каждым нашим движением и пытались уловить, что скрывается за взглядами. Зачем ходить в театр, когда самые интересные представления разыгрываются перед глазами. У этих постановок самые лучшие актеры, самые живые эмоции и лучший в мире режиссер по имени Жизнь.

Нам пришлось прервать эту молчаливую дуэль – подошел священник, чтобы начать церемонию.

После окончания похорон все молча разбрелись по своим машинам. Пришли, отметились, жизнь продолжается. Одним «царем» меньше, одним больше – это давно никого не волновало. А вот то, каким образом распределится влияние и в какую сторону направится капитал – это другое дело. Именно этот вопрос стоял для всех на повестке дня. Краем глаза заметил парня. Из всего этого сборища он был единственным, на чьем лице отпечаталось горе. И хотя мы не были знакомы лично, я понял, что это Руслан – Царев-младший. Бешеный. Думаю, очень скоро наши пути пересекутся. Учитывая давнюю дружбу его отца и Ворона, которые были в одной упряжке и разделяли общие принципы.

К отцу я так и не подошел, разговаривать не было ни малейшего желания, как и давать другим возможность стать свидетелем наших перепалок. Эмоции захлестывали, но я понимал, что не могу сейчас дать им волю. Это мир, в ко-

тором твою даже самую ничтожную слабость почувствуют за считанные секунды. Как хищники, которые учуяли запах крови и уже ничего не собьет их со следа.

Сел за руль и, пока ехал в отель, снова и снова прокручивал в голове все факты. Мне нужно было решить, куда двигаться дальше, учитывая сложившиеся обстоятельства. Я отдавал себе отчет, что являюсь скорее средством, а не целью. Вся эта кампания рассчитана на то, чтоб ударить по отцу, пошатнуть его положение, и начать нужно с того, кто ближе. Исходя из этого, ждать очередного удара в спину долго не придется.

А еще я твердо решил, что буду рядом со своей дочерью. Понимал, что сделать это не так просто. Врываться в чью-то жизнь спустя столько лет, перевернуть ее с ног на голову только потому, что кто-то в очередной раз принял решение вместо тебя. С распростертыми объятиями меня там никто не ждет, но поздно искать виноватых, я имею право, я ее отец. Поэтому я скоро встречусь с Леной и долго бегать она от меня не сможет. Не позволю. Сейчас мне плевать на её зону комфорта, она принимала участие в этом фарсе и молчала. Мать её. Все эти годы она молчала. Поэтому она мне задолжала как минимум разговор, а максимум – тринадцать лет общения с родной дочерью. А я привык заставлять людей возвращать долги и сам никогда не был должником.

Приехав в отель, поднялся в номер и, заказав по телефону ужин, встал у окна, сжимая пальцами сотовый. Покрутил

его в руках и собрался нажать на кнопку вызова, чтобы наконец-то поговорить с Леной, но в этот момент услышал шум за спиной – кто-то бесцеремонно распахнул дверь. Мне не нужно было оборачиваться, чтобы понять, кто.

– Играем в молчанку, Андрей? Вспомним детство? Мальчик обиделся и закрылся в своей комнате?

Было заметно, что отец в бешенстве. Глаза горят, хотя движения спокойные, а речь неторопливая. Только я давно научился распознавать все его маски. Повернувшись к нему лицом, медленно, размеренно, спокойно ответил:

– Игры – это по твоей части, Ворон! – намеренно акцентируя последнее слово, не желая называть его отцом. – И я не собираюсь в них больше играть. Все по-честному – я просто не захотел тебя видеть

– Даже так! Браво! Мы повзрослели и научились показывать характер. Ну, ты бы хоть сказал, что тебя так разобидело, сынок?

Пытается выбить почву из-под ног, намеренно разговаривая как с ребенком. Только мы это уже давно проходили.

– А ты на старости лет решил поиграть в папочку? Кукловоду стало скучно без любимой марионетки?

Он на несколько секунд задержал на мне взгляд, выдерживая паузу. Он любил эти спектакли с давлением на собеседника. Когда-то давно это работало, но не сейчас.

– Мне не до игр. Я тебя не просто так позвал. Царя убили и мне не до твоих истерик и капризов. Давай говори, что там

у тебя наболело, я пожалею обиженного мальчика и приступим.

Его тон изменился, в голосе прозвучала жесткость, разбавленная нотками раздражения. В этот раз поставить меня на месте оказалось не так просто, как раньше, и я чувствовал, что это начинает выводить его из себя.

– Савелию Воронову потребовалась чья-то помощь? Перестал справляться с ролью великого и ужасного? Или привык иметь дело только с теми, кто не может дать отпор – например, женщинами и детьми? Давай к делу – что тебе от меня нужно?

Он шагнул к столу, облокотился на столешницу, и, чуть прищурившись, отчетливо сказал:

– Я не просил тебя о помощи. Я сказал, что НАШЕ общее дело требует твоего присутствия здесь. А насчет женщин и детей, ты словами не бросайся – их потом тяжело поймать и поотстреливать, не то, что людей. Ты предъявляй, что у тебя есть. Сопляк еще, брать меня на "слабо". Выскажись – и перейдем к делу.

– То, с кем у меня будут общие дела, я решу сам. А людишки твои, я смотрю, вообще страх потеряли. Я думал, не по понятиям Ворона сливать. Авторитет нынче не в почете, да, Ворон? Времена поменялись? – с этими словами я швырнул на стол стопку фотографий.

Отец бросил на них мимолетный взгляд. Выражение лица сменилось. Но всего лишь на несколько мгновений. Он по-

нимал, что я прав. Поднял одну из фотографий и продолжил:

– И что? Это причина истерики? Какая-то провинциальная дура, которая залетела от тебя? Насчет авторитета – я позже разберусь с этим умельцем, не твоя забота, а ты фотки собери в конвертик и успокойся. Девка ни в чем не нуждалась. Все получила: и бабки, и работу крутую, и дочь ее в шоколаде. Так что ты спасибо скажи, что я тебя от шлюшки избавил. Она легко тебя променяла на все эти блага. Продалась, сынок. Я доходчиво объясняю? Продалась... – он собрал все фото в конверт, его руки слегка дрожали, нервничал, хоть и тщательно пытался это скрыть.

Я не выдержал и подошел к нему ближе. Все слова, которые просились сейчас наружу, мне хотелось выплюнуть ему в лицо. Я, опершись одной рукой о стену, вплотную приблизился к его лицу:

– Шлюхой будешь называть итальянскую подстилку, внучку своего дружка. Или ты думаешь, я не понял всех ваших раскладов. Сваты гребаные. Так вот, обо всех сделках с итальянцами можешь забыть. Процесс запущен – задний ход я не дам. Мне плевать на все договоренности и то, во что это мне выльется. С той крысой, которая затесалась в твоих рядах, скоро все твои деньги будут идти в обход. И ты знаешь, что не сможешь с этим ничего сделать... – отступил назад и схватил конверт, который отец держал в руках. Он зажал его в пальцах и мне пришлось сильно дернуть, чтоб отнять. – И запомни, я никогда не стану таким, как ты. Кобелем, кото-

рый шастает по миру и плодит никому не нужных детдомовцев. Ты думал, я тебе в ноги упаду? За то, что сына вспомнил? Что, Ворон, некому воды подать? Страшно стало, что смерть в затылок дышит? Так вот – мне не нужны ни такой отец, ни такой бизнес.

Я увидел, как он замер и импульсивно дернул узел галстука.

– Хорошо, сопляк, хорошо. Это мы тоже уже проходили. Только уроки ты всегда плохо усваивал. Мозги у тебя явно не мои. Генетика. С ней не поспоришь. Не нужен, значит, не нужен. Как-нибудь проживу. Лишь бы ты прожил. Только запомни, я за тобой дерьмо больше подтирать не стану. Палец о палец не ударю. Захлебывайся. Я хочу на это посмотреть.

Глава 8. Дарина

Когда дорога представляет собой загадку, попробуй шагать наобум. Несись по ветру.

(с) из игры: American McGee's Alice

Я открыла глаза и потянулась. Тепло, вкусно пахнет и немного затекла шея. Но мне давно не было настолько уютно. Точнее, я вообще не помню, когда спала подряд больше пары часов в сутки. Говорят, звери спят рядом с теми, кому доверяют. Странно, но я чувствовала себя именно таким зверьком – загнанным, испуганным, бездомным, и я доверяла мужчине, которого впервые увидела пару часов назад. Мне было не страшно рядом с ним.

– Выспалась? – я часто в интернате играла сама с собой в игру: по голосу пыталась определить, как может выглядеть его обладатель или обладательница.

У Макса был низкий голос... и он ему подходил. То есть... красивый голос. Как и он сам. Была ли я наивной дурой? Скорее всего, да, но не настолько наивной, чтобы не понимать, что Макс далеко не благородный рыцарь. В моем мире в рыцарей не верят уже с детства. Особенно учитывая, что он пересчитал моему отцу все кости. Я просто интуитивно чувствовала – его можно не бояться. По крайней мере, пока.

Или, по крайней мере, мне.

Посмотрела на парня – сосредоточен на дороге, под тонким черным свитером угадывается мускулистое тело. Нет, не такое, как у качков, а худое и поджарое, но сильное, когда кажется, что если притронешься, пальцами не прожмешь... как металл или камень. Самые опасные хищники никогда не бывают массивными. Рукава закатаны, на запястье правой руки поблескивают часы. Я смотрела на жгуты вен под смуглой кожей и длинные пальцы, сжимающие руль. Костяшки сбиты. Наверняка кровили, сейчас покрылись корочкой. И я была права – в кобуре, отливая металлическими бликами на рукоятке, спрятан пистолет.

Куртка Макса оказалась на мне. Просто выброшена сверху. Вот почему так тепло и мягко, а запах... Я принялась, подтягивая куртку повыше. Этот запах исходил от нее. Никогда раньше не чувствовала, чтоб от мужчины так пахло. Я привыкла к вони пота, перегара и немытого тела. От отца и его дружков смердело именно так, а в интернате от всех одинаково – казённым мылом и стиральным порошком. От Макса пахло иначе. От него пахло другой жизнью, стилем, мужчиной. Аромат дорогого парфюма (не спрашивайте, откуда я знаю – знаю и всё), сигарет, черного кофе и просто ЕГО запахом. У каждого человека есть свой запах. Я втянула носом воздух и даже не поняла, что задержала дыхание и закрыла глаза от наслаждения. Наверное, чувства все же начинаются не только с первого взгляда, но и с запаха. По-

том, спустя много лет, я всегда буду вспоминать именно этот момент, а не нашу первую встречу.

– Я спросил – ты выпалась, мелкая?

– Выпалась, – укуталась плотнее в его куртку и посмотрела в окно. Еще даже не светает, но скоро утро.

Я никогда не была ни в одном другом месте, кроме собственного Мухосранска, как назвал его Макс. Судя по всему, мы уже въехали в город, я поежилась, думая о том, насколько холодно снаружи. Если в первый же день не найду, где ночевать – замерзну на улице. Нужно выйти возле метро или на вокзале. Пацаны, которые сбегали из интерната, как-то говорили, что только там можно выжить, переночевать и даже не сдохнуть от голода. В переходах, на ступенях, стащив еду у лоточников. Все ж, не на улице. Я почему-то это хорошо запомнила. Они еще много чего рассказывали, но я не прислушивалась. А зря.

– И куда тебя везти, решила уже? – усмехнулся Макс, делая музыку громче. Кажется, он без нее вообще ездить не умел.

– Ты меня возле метро высади, – попросила я и протянула ему куртку.

– Какого, к черту, метро? – быстрый взгляд на меня и снова на дорогу.

– Любого, – я так и сидела, вытянув руку с курткой. Он не брал, но и не говорил, чтоб снова укрылась, – а лучше на вокзале.

– Может тебе сутенера сразу подыскать?

Мои щеки тут же вспыхнули.

– Я и не думала... я... да пошел ты.

– Еще раз ругнешься – дам по губам, – сказал серьезно, и я нахмурилась. Этот точно даст. Я даже не сомневалась. – А что ты думала? – он закурил и приоткрыл окно, выпуская дым. – Какие гениальные планы пришли в твою умную голову, когда ты решила ехать в столицу?

Слово «умную» он нарочно выделил, давая понять, что я полная идиотка.

– Я братьев искать буду.

– Каким образом? Придешь в адресный стол? В милицию? Будешь по улицам с плакатами ходить? Как ты собралась их искать? Поделись идеями.

– Тебе какое дело?

Посмотрел на меня долго, внимательно, потом снова на дорогу, и пренебрежительно бросил:

– Никакого. Метро – так метро. Или все же вокзал?

– Мне все равно.

Макс отвернулся к окну, явно давая понять, что говорить дальше ему со мной не интересно.

Несколько минут я молчала, размышляя и снова его рассматривая. Обручального кольца нет. Значит, не женат. Реально гениальные выводы. Самое главное, логичные – дальше некуда. Особенно, учитывая ту идею, которая пришла в мою «умную» голову только что. Пожалуй, не такая и плохая

идея. Точно лучше метро и вокзала, только вряд ли у меня выгорит.

– Макс.

Да... Мне нравится его имя. Нравится его произносить. Так интересно – на свете куча имен. Вокруг тысячи имен. Они повторяются. Ты их слышишь. Произносишь, читаешь, и ни одно из них не имеет для тебя никакого значения и даже кажется самым обыкновенным. Неприметным. И вдруг ты встречаешь кого-то, и оно начинает звучать иначе. Внезапно. В какую-то долю секунды оно меняется для тебя, и каждая буква становится как нота невероятно красивой мелодии, которая играет только в твоём сердце. Вначале скрипкой или гитарой, потом бьёт ударными... пока не начнет прошибать током и не загорится, чтобы оставить там ожоги. Но сейчас я слышала всего лишь тихую прелюдию.

– У тебя жена есть?

– Нет, – усмехнулся так, словно я его спросила о наличии слона или верблюда.

– А девушка?

Макс посмотрел на меня, улыбка исчезла, многозначительно приподнял одну бровь. У меня мгновенно вспыхнули щеки. Бывают такие невыносимые взгляды, от которых по коже идут мурашки и хочется немедленно отвернуться. Не потому что не нравится, а потому что слишком нравится и от этого невыносимо. Я все же взгляд выдержала.

– Ну, тебе, может, нужна помощь по дому. Уборка, стир-

ка... готовка. Я могу за ночлег и еду работать у тебя.

Теперь Макс рассмеялся.

– Нет, мелкая, не нужна. У меня домработницы меняются каждый день и у каждой свои таланты. У тебя такие вряд ли имеются. Остальное мне не интересно.

– Ты хотел сказать, каждую ночь, – презрительно фыркнула я и съела конфету. Верно, нафиг я ему нужна? У него шлюх всяких куча, в очередь наверняка выстраиваются, чтоб полы помыть да жратвы приготовить, лишь бы он глазами синими наглыми смотрел вот так... и не прогонял.

– Догадливая какая. Хотя этим не только ночью занимаются, мелкая.

– Спасибо, что просветил, – показала ему язык, пока он смотрел на дорогу.

– Спрячь язык, обезьянка. Не кривляйся.

Прозвучало обидно. Тут же захотелось взглянуть на себя в зеркало. А хотя, что я там нового увижу – худющую, черноволосую, облезлую мышь с тонкой косой и лохматой, чуть кривой челкой, которая постоянно лезла в глаза? Да, парикмахер из меня хреновый. Я хотела, как на плакате в какой-то рекламе, а вышло, как в анекдоте про руки из...

Может, я и не обезьянка, но на беспризорницу похожа в застиранной, полинявшей кофте, джинсах на размер больше и стертых сапогах, которые промокнули, как только я ступлю в первую же лужу. Сунула руку в карман, отыскивая шапку. Надо волосы спрятать немые и жидкие.

Конечно, я уродка по сравнению с его «домработницами». Могу себе представить, какие возле него ошиваются. Я снова посмотрела в окно. Начался ливень. Вот, черт. Нет, мне нельзя на улицу, никак нельзя. Я там продрогну в своем пальто. По радио передали заморозки и снег. Уже завтра утром. После этого потопа все заледенеет.

Почему-то вспомнился Хома, которого нашли замёрзшим прошлой зимой на улице. Он из интерната сбежал, после того как пацаны ему «тёмную» устроили, и замёрз насмерть в каком-то парке. Всего ночь просидел и замёрз. Стало страшно, что и я так же умру, как бездомная собака. Или менты меня прихватят, а потом отправят к отцу, или обратно в интернат.

Я ведь не умею жить на улице. Как бы не храбрилась, не умею. И воровать не умею и попрошайничать. Я вообще ничерта не умею. Даже уговаривать. Только врать умею.

– Макс... я, правда, хорошо убираю. Ну возьми меня к себе. Ты не пожалеешь.

– Конечно, не пожалею, потому что не возьму, на кой ты мне сдалась?

– Я замерзну там. В первую же ночь. Это ты отцу зубы выбил и из-за тебя я домой не смогла пойти, – надавить на жалость или совесть? Может, они там имеются? Где-то очень глубоко. Ведь пожрать купил и на дороге не бросил.

Макс откровенно надо мной смеялся и даже не скрывал этого. Если бы я тогда понимала, НАСКОЛЬКО забавно это

звучало для него, сама бы истерически хохотала. Но тогда я и понятия не имела, кто он такой.

– Твой отец тварь и кретин... А ты сама за мной увязалась. Оставалась бы дома или в интернате своем.

– И ты вот так просто выкинешь меня? Жить на улице, побираться? Мы в ответе за тех, кого приручили, – сказала я.

– Я тебя не приручал и даже не собирался. Неверная цитата, мелкая. Поковыряйся в памяти и найди что-то поинтересней. Ты ж не только Экзюпери читала?

– Не только. Я вообще очень много читала. Значит, вышвырнешь в этот ливень?

– Почему бы и нет? Ты кто такая вообще? Я похож на благодетеля или волонтера, подбирающего бездомных животных?

Опять сравнил меня с животным. Сволочь. Повёл раздражённо плечами, а мне стало страшно, что правда высадит возле метро, и я там буду дрожать, переминаясь с ноги на ногу до самого утра, а утром будет еще холоднее. Потом я проголодаюсь... Ненавижу голодать. Но ведь как-то можно его уговорить?

Танька, которая часто приносила с ночных «вылазок» через окно конфеты, шмотки и сигареты, всегда говорила, что мужики думают только одним местом. Конечно, меня трудно сравнить с блондинкой Танькой, у которой в шестнадцать лет грудь третьего размера и опыта с мужиками она лет с тринадцати набралась, но я могу попробовать. Правда, вряд

ли получится заставить «работать» у него то самое место.

– Не похож. Ну, я могу иначе платить... Может ты... это... Я смогу, как и они... Домработницы твои. Мне говорили, что я ничего так под одеждой. Могу сейчас показать.

Быстро расстегнула пуговицы пальто, сбросила с плеч, впиваясь пальцами в змейку кофты. В ту же секунду Макс оттолкнул меня с такой силой, что я ударилась о дверцу головой, почувствовала, как пересохло в горле и сердце, словно бешеное заколотилось, отдавая пульсацией в виски.

– Дура малолетняя, совсем охренела? – зарычал мне в лицо. – Пошла к черту отсюда!

Мне показалось, что он меня сейчас ударит, и я быстро заморгала.

– Не ори. Поняла я. Не надо орать.

– Тоже мне выискалась, Lolita, бя. Давай, выметайся нахрен. Приехали.

Затормозил на обочине возле вокзала, вышел из машины и вытащил меня за шкурку. Сунул деньги в руку.

– На один день хватит, а то и на парочку. Всем так сразу не предлагай, а то возьмут. Оттрахают, идиотку, во все дыры и подыхать тут же оставят. Не посмотрят, что ребенок совсем. Как просила. Вокзал. Давай. Удачи.

– И тебе удачи, – чуть ли не со слезами выкрикнула я.

Сволочь безжалостная. Посмотрела на деньги. Ого. Неплохо. Мне не на пару дней хватит, а на неделю, если растягивать.

Как я и думала, ноги промокли моментально. Вода затекла везде, где только можно за считанные минуты, пока я добежала до какого-то навеса и, прислонившись к стене, перевела дух. Холод пробрал сразу же, закатился за воротник вместе с ледяными каплями и пролез между пальцами ног, которые мгновенно окоченели в мокрых носках. Я осмотрелась по сторонам. Все вымерло перед рассветом. Только поезда постукивают колесами и пыхтят.

Заметила бомжа, свернувшегося в клубок на газетке неподалёку и трех красоток в каких-то разноцветных искусственных полушубках, колготках в сеточку и высоких сапогах. У этих работа не кончается, как только задницы не отмерзают? Возможно, не успевают, потому что мимо проехал автомобиль и поморгал фарами. Одна из них отделилась от компании и через минуту укатила в неизвестном направлении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.